

ФГБУН ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Отдел памятников письменности народов Востока

XIV ежегодная
проблемно-методологическая конференция

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ВОСТОКА

14–16 октября 2024 г.

Тезисы и конспекты докладов

Москва, ИВ РАН
2024

УДК 94(5)(082)+7(1/9)
ББК ТЗ(5/6)+Щ03/Щ03(8)
ТЗ0

Составители и ответственные редакторы выпуска:
Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Научное и техническое редактирование —
Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Форматирование, компьютерная верстка,
мониторинг восточных шрифтов — В. Н. Настич

Т-30 **XIV ежегодная** проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока». 14–16 октября 2024 г. / Тезисы и конспекты докладов / Сост. и отв. ред. Л. В. Горяева, В. Н. Настич. — М.: ИВ РАН, 2024. — 102 с.

Сборник тезисов и конспектов докладов, заявленных для прочтения на XIV Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока», организованной сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и проводимой в Москве 14–16 октября 2024 г.

The present volume represents a collection of abstracts and synopses of papers to be delivered at the 14th annual Conference "Textology and Source Study of the East" organized in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and conducted by the staff of the Department of Oriental Written Sources (Moscow, 14–16 October 2024).

© Горяева Л. В., Настич В. Н.,
составление, 2024

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

От составителей

Публикация сборника тезисов и конспектов докладов, заявленных к прочтению на очередной, XIV-й ежегодной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока» Института востоковедения Российской Академии наук, в нынешнем 2024 году окончательно изменила свой формат с «бумажного» на сетевой. В первый раз электронная PDF-версия тезисов была размещена на страничке постоянного организатора этих конференций — Отдела памятников письменности народов Востока ещё в 2018 году*, и с тех пор мы делаем это ежегодно. Продолжение такой практики пополнит круг наших постоянных читателей и потенциальных докладчиков, чьи полноформатные статьи впоследствии по решению Редакционной коллегии могут быть приняты к печати в очередном выпуске сборника «Текстология и источниковедение Востока. Избранные доклады», предусмотренном к изданию в новой серии «Письменное наследие Востока» (до 2022 г. наши сборники выходили в ныне упразднённой серии «Труды Института востоковедения РАН»).

Как и прежде, в центре нашего внимания находится первоисточник — письменный памятник, иногда на живом современном, но гораздо чаще на старом, давно забытом восточном языке, который надлежит прочесть (а для этого, что нередко бывает, сначала расшифровать), затем адекватно

* Официальный сайт ИВ РАН, страничка Отдела ППНВ, ссылка https://ppnv.ivran.ru/sites/28/files/Tezisy_svodnye_2018=final.pdf

перевести и грамотно истолковать. Такая работа зачастую требует высокой языковой квалификации и владения специфическими навыками в комплексном изучении восточных текстов, поэтому на наших семинарах и конференциях приоритетная роль отводится именно методологической тематике.

Будучи организаторами всех ежегодных конференций по заявленным направлениям, начиная с 2011 года, мы наблюдаем не только смену поколений учёных — источниковедов и текстологов, но и непреходящую актуальность исследований нашего профиля в широком историко-филологическом и социокультурном плане. При практическом отсутствии какой-либо рекламы, не считая сжатых анонсов на сайте ИВ РАН, число участников конференций «Текстология и источниковедение Востока» неизменно остаётся высоким. Этому ощутимо способствуют регулярные заседания семинара под тем же названием, проходящие в Отделе памятников ИВ РАН дважды в месяц на протяжении «академического» года с сентября по июнь. В последнее время перед коллегами всё чаще выступают представители младшего поколения — магистранты и аспиранты востоковедных ВУЗов, молодые сотрудники научно-исследовательских и культурно-просветительных учреждений страны. А доступная с недавних пор и всё активнее используемая возможность вести заседания семинара или конференции в удалённом формате позволяет поддерживать контакты с учёными других городов России, ближнего и дальнего зарубежья, слушать и обсуждать их доклады в реальном времени; такая опция, немислимая ещё с десятков лет назад, в наши дни уже стала незаменимой и, надо полагать, останется таковой в обозримом будущем.

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Содержание

От составителей	3
<i>Ю. А. Аверьянов</i> «Собрание священных слов»: личные дневники османского суфийского шейха Нийази Мысри (1618–1694). Комментарии к переводу текста	9
<i>Л. Л. Банкова</i> О концептуализации единичности в китайских классических произведениях	12
<i>Е. М. Белкина</i> «Иранская» еврейская палеография X–XII вв.	15
<i>В. В. Бельский</i> «Слушай, народ Мой»: Применение божественных Ich-Rede в псалмах и профетический контекст ветхозаветной Псалтыри	18
<i>Ю. Д. Будман</i> Современные подходы к определению образа <i>qādēš</i> в Еврейской Библии и раввинистической литературе: проституированный мужчина, лиминальная фигура, служитель культа или литературный персонаж?	21
<i>Е. В. Гордиенко</i> Победитель монголов Чан Хынг Дао как герой вьетнамских житийных текстов (на примере повествований о духах провинции Ханам)	26

<i>М. Ю. Илюшина</i>	
Черкесский мамлюк в Хамдане: биография и анекдот в средневековой арабской историографии	29
<i>О. А. Казакевич</i>	
Шаманская традиция у эвенков сегодня: практикующий эвенкийский шаман	32
<i>К. А. Кириленко</i>	
Самодельные закладки в рукописном и старопечатном архиве Шамигула Бикбаева (1876–1957) как исторический источник	35
<i>Е. В. Коровина</i>	
К вопросу о метрической структуре малайского <i>пантуна</i>	38
<i>Л. Г. Лахути</i>	
Диалог с небом в поэмах Фирдоуси и ‘Аттара	41
<i>С. В. Лахути</i>	
Эпистолярная коммуникация в цифре: опыт разработки базы данных для <i>Шах-наме</i> Фирдоуси	44
<i>Н. Р. Лидова</i>	
«Санскритский космополис» в новейших исследованиях древнеиндийской поэтики	47
<i>Д. В. Микульский</i>	
Властитель милующий и немилующий: в любом случае, сам раб речения. К вопросу об исследовании арабо-мусульманской словесной и политической культуры. (По материалам повествований из арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв. и иных сочинений)	49

<i>М. Н. Османова</i>	
Арабиграфические листовки на языках народов Дагестана о необходимости охраны памятников истории и культуры края (20-е гг. XX в.)	53
<i>Н. И. Пригарина</i>	
К топографии «Города Риндов» в газели Хафиза	58
<i>А. Д. Притула</i>	
Чин <i>Благословения месяцев</i> в восточносирийских рукописях	62
<i>М. Л. Рейснер</i>	
Специфика повествования в персидской любовно-романической поэме ‘Аййуки <i>Варка и Гульшах</i> (XI в.)	67
<i>И. Р. Саитбатталов</i>	
Тюркоязычные произведения Мухаммада Хасана Катила	70
<i>Н. И. Сериков</i>	
‘Абдаллах ибн ал Фадл — переводчик Псалмов	73
<i>Д. М. Тимохин</i>	
Сочинения Афзал ад-дина Кермани и их влияние на формирование локальной историографии Кермана	77
<i>С. В. Тхор</i>	
Особенности судебно-правовой системы в Малаккском султанате (согласно «Малаккскому кодексу»)	81
<i>Е. В. Тюлина</i>	
Тексты по <i>вастувидье</i> о «реставрации» древних изображений	83

<i>А. Г. Хайрутдинов</i>	
Избранные бейты из <i>Лузум ма ла йалзам</i> Абу-л-‘Ала ал-Ма‘арри в комментированном переводе Мусы Бигиева	86
<i>Н. Ю. Чалисова</i>	
На пути из мечети в кабак: о лирическом персонаже газелей Хафиза	90
<i>О. М. Ястребова, А. С. Матвеев, А. В. Мoiseева, Т. А. Слесарев, Е. В. Тrepналова</i>	
Электронная публикация и изучение коллекции рукописей Мухаммада Аййада ат-Тантави: продолжение проекта	93
Наши авторы и редакторы	99

Ю. А. Аверьянов
(НИУ ВШЭ)

**«Собрание священных слов»:
личные дневники османского суфийского шейха
Нийази Мысри (1618–1694).
Комментарии к переводу текста**

Ключевые слова: братство *халватийа*; воспоминания; личный дневник; османская литература; суфизм; экстатические состояния (*ваджд*)

Нийази Мысри (1618–1694) является автором большого количества произведений на османско-турецком и арабском языках (32 трактата и 6 писем в форме посланий). Многие его трактаты очень невелики по объему. В некоторых из этих посланий отражаются еретические воззрения Нийази Мысри: так, в своем послании к падишаху по пути в ссылку и в трактате *Рисалат ал-Хасанайн* шейх провозглашает, что внуки пророка Мухаммада Хасан и Хусейн также являются пророками и посланниками Божьими. В толковании на аят 35 суры 24 «Свет» Корана Нийази утверждает, что он сам является пророком 'Исой. Одним из основных творений Нийази Мысри ученые считают его трактат *Мава'ид ал-'ирфан ва 'ава'ид ал-ихсан* «Накрытые столы духовного знания и поступления добродетели», состоящий из 71 раздела (*ма'ида*, букв. «стол») и оставшийся недописанным в 1693 г. Источниками для этого труда послужили писания Ибн ал-'Араби и комментарии к ним, созданные Садр ад-дином Кунави и 'Абд ар-Рахманом Джами, а также

Маснави Джалал ад-дина Руми и *Варидат* Бадр ад-дина Си-мави. Этот текст содержит много личных воспоминаний, откровений и явлений, привязанных к тем или иным кораническим цитатам (например, видение им крылатого юноши, чье лицо затмевало свет солнца; возникавшее у Нийази во время непрерывного многодневного *зикра* желание броситься вниз с высокой скалы или с минарета; явление ему в доме в месяце *мухаррам* растущей звезды, постепенно охватывающей все пространство в шести направлениях; осуществляемые Нийази гадания (*тафаул*); второе пришествие Иисуса и т. п.). В этот трактат включены и письма Нийази, адресованные различным шейхам, и его размышления о том, что, как бы его ни притесняли падишах и вельможи, даже если он умрет от голода или жажды, все равно не подчинится своему идеологическому оппоненту — ретроградному богослову Вани-эфенди. Здесь в голосе Нийази слышатся нотки, сходные с писаниями его современников — русских старообрядцев, что создает почву для их типологического сопоставления.

Yuriy A. Aver'yanov
(HSE University)

**"Collection of Sacred Words":
Personal Diaries of the Ottoman Sufi Sheikh
Niyazi Misri (1618–1694).
Comments on the translation of the text**

Keywords: Sufism; *Halwatiyya* brotherhood; Ottoman literature; personal diary; memoirs; ecstatic states (*wajd*)

Niyazi Misri (1618–1694) is the author of a large number of works in Ottoman Turkish and Arabic (32 treatises and 6 letters in the form of messages). Many of his treatises are very small in

volume. Some of these messages reflect the heretical views of Niyazi Misri: thus, in his message to the padishah on the way to exile and in the treatise *Risalat al-Hasanayn*, the Sheikh proclaims that the grandsons of the prophet Muhammad, Hasan and Husayn, are also prophets and messengers of God. In the interpretation of the Qur'an, ayat 35 of sura 24 "Light", Niyazi claims that he himself is the prophet 'Isa. One of the main works of Niyazi Misri, according to scholars, is his treatise *Mawa'id al-'irfan wa 'awa'id al-ihsan* "Set tables of spiritual knowledge and the pursuit of virtue", consisting of 71 sections (*ma'ida* – literally "table") and left unfinished in 1693. The sources for this work were the writings of Ibn al-'Arabi and the commentaries to them created by Sadr al-Din Kunawi and 'Abd al-Rahman Jami, as well as *Masnawi* by Jalal al-Din Rumi and the Sufi treatise *Varidat* by Badr al-Din Simawi. This text contains many personal memories, revelations and phenomena linked to certain Koranic quotations: for example, his vision of a winged youth whose face eclipsed the light of the sun; the desire that Niyazi had to throw himself down from a high cliff or from a minaret during his continuous multi-day *dhikr*; the appearance of a growing star in his house in the month of Muharram, gradually covering all space in six directions; fortune-telling (*tafaul*) performed by Niyazi; the second advent of Jesus, etc. This treatise also includes letters addressed by Niyazi to various sheikhs and his reflections on the fact that no matter how the padishah and the nobles oppressed him, even if he died of hunger or thirst, he would still not submit to his ideological opponent, the retrograde theologian Vani Efendi. Here in Niyazi's voice one can hear notes similar to the writings of his contemporaries, the Russian Old Believers, which creates the basis for their typological comparison.

Л. Л. Банкова
(МГПУ)

О концептуализации единичности в китайских классических произведениях

Ключевые слова: китайские числительные; концепт числа *один*; концептуализация числа; числовая квантитативность

Доклад посвящен определению концептуальной представленности числа *один* в китайских классических трудах, влияющих на мировоззрение носителей китайского языка и культуры. Первым в анализируемом списке произведений находится классический даосский философский трактат Лаоцзы *Дао дэ цзин*, который определяет понимание взаимовлияния нумеративных классификационных формул и развития всего сущего. В его 42 строфе содержится следующее изречение: «Дао (Путь) порождает единицу, единица порождает двойку, двойка порождает тройку, тройка порождает “десять тысяч вещей”» (пер. Тань Аошуан). В *Чжуанцзы* поясняется, что основными понятиями, которыми оперировал Лаоцзы, являлись ‘первобытная единая субстанция’, ‘верховный владыка’, ‘наличие’, ‘отсутствие’, ‘постоянство’. Первобытная единая субстанция как раз и есть Дао. Поскольку Дао порождает единицу, то оно само по себе является первобытной единой субстанцией, а единица указывает на наличие. У Лаоцзы Дао включает небытие и бытие в качестве двух уровней значений. В единице, согласно *Дао дэ цзин*, заложено три смысла: первый – тело, второй – Великий предел, третий – Дао (Путь). И под единицей в изречении «Дао порождает единицу...» понимается Великий предел. Линию корреляции единицы и десяти тысяч вещей, или всего сущего, поддерживает трактат *Хуай Наньцзы*: «Единица – это

корень десяти тысяч вещей, это не имеющий соперников Путь». В русле понимания Лаоцзы происходит трактовка единицы Сюй Шэнем в *Шовэнь цзецзы*: «Вначале был великий предел, Путь установил единое, произошло разделение на небо и землю, потом сформировалось все сущее (букв. 'десять тысяч вещей')». Таким образом, единица — состояние хаоса до разделения неба и земли.

В «Исторических записках» Сыма Цяня единица прямо называется началом всех чисел: «Числа начинаются единицей, заканчиваются десяткой, формируются тройкой». В одноименном произведении Чжуанцзы также затронута тема единицы: «Источник рождения мудрого, формирования государства берет начало в единице». В конфуцианском каноническом произведении *Ли цзи* единица также именуется Великим Пределом. Согласно Чжу Си, основателю китайского неоконфуцианства, «один делится на два, два делится на четыре, четыре делится на восемь». По результатам проведенного обзора представляется возможным заключить, что единица представлена образами начала, единства, целостности, всеобъемлемости.

Liudmila L. Bankova

(Moscow City Pedagogical University)

On the conceptualization of number *one* in Chinese classical works

Keywords: Chinese numerals; conceptualization of numerals; numerical quantitiveness; concept of number *one*

The report deals with determining the role of number *one* in Chinese classical works that influence the worldview of native speakers of Chinese language and culture. The first in the analyzed list of works is the classical Daoist philosophical treatise

Dao de jing by Laozi, which defines the understanding of the mutual influence of numerative classification formulas and the development of all things. Its 42nd stanza contains the following saying: "Dao (the Way) gives birth to one, one gives birth to two, two gives birth to three, three gives birth to 'ten thousand things'". In *Zhuangzi* it is explained that the main concepts used by Laozi were 'primordial single substance', 'supreme ruler', 'presence', 'absence', 'constancy'. The primordial single substance is precisely Dao. Since Dao gives birth to one, it is a primordial single substance itself, and one indicates presence. In Laozi, Dao includes non-existence and being as two levels of meaning. According to *Dao de jing*, one has three meanings: the first is the body, the second is the Great Limit, and the third is Dao (the Way). And the one in the saying "Dao gives birth to one..." refers to the Great Limit. The line of correlation between one and ten thousand things, or the darkness of things, or all that exists is supported by the treatise *Huainanzi*: "One is the root of ten thousand things, it is the Way that has no rivals". Xu Shen's interpretation of the unit in *Shuowen Jiezi* follows the understanding of Laozi: "In the beginning there was the great limit, the Way established unity, there was a division into heaven and earth, then all things were formed (literally ten thousand things)." Thus, the unit is a state of chaos before the division of heaven and earth. In the "Historical Notes" of Sima Qian, the unit is directly called the beginning of all numbers: "Numbers begin with one, end with ten, are formed by three". Zhuangzi also touches on the theme of one in his work of the same name: "The source of the birth of the wise, the formation of the sovereign originates in one." In the Confucian canonical work *Liji*, one is also called the Great Limit. According to Zhu Xi, the founder of Chinese neo-Confucianism, "One is divided into two, two is divided into four, four is divided into eight." Based on the results of the review, it seems possible to conclude that the unit is represented by images of beginning, unity, integrity, and comprehensiveness.

Е. М. Белкина
(ИВР РАН)

«Иранская» еврейская палеография X–XII вв.

Ключевые слова: еврейские рукописи; еврейские диаспоры; Большой Иран; X–XII вв.; палеография

Несколько лет назад было опубликовано исследование проф. Джудит Ольшови-Шлангер о палестинском виде письма, обнаруженном в документах Каирской Генизы. Такое название они получили вследствие своего создания представителями «палестинской конгрегации» — группы евреев, придерживающихся ритуала, бытовавшего в Святой Земле, и проживавших в Каире в XI в. Графика, которой зафиксированы тексты этих документов, отличается от палеографии материалов, параллельно создававшихся иудейскими диаспорами в разных частях Ближнего и Среднего Востока.

Проведя диахроническое исследование рукописей, которые по данным колофонов или косвенно восходят к диаспорам в Большом Иране в указанный период, удалось выявить закономерность между палеографией источников этой конгрегации и палеографией памятников Большого Ирана. Основные сохранившиеся памятники иранских евреев следующие: письмо из Согда VIII в., фрагмент библейского текста 903/4 г., источники Афганской генизы X–XII вв. и недатированный еврейско-персидский тафсир X–XII вв., а также косвенно локализованные в Иране Вавилонский кодекс (916 г.) и Карасубазарский кодекс (XI в.).

На наш взгляд, есть прямая зависимость между названным проф. Шлангер «палестинским» видом письма и развитием палеографии у иранских евреев в Средние века. Эту

взаимосвязь можно проследить через сохранившиеся тексты вавилонских заклинательных чаш с арамейским алфавитом и как раз указанное письмо из Согда: описание графики «палестинского» вида во многом соответствует графике в последних источниках. Так как нам известно, в том числе из талмудических текстов, что расселение еврейских диаспор шло вдоль Шелкового пути до Хорасана, переселяющиеся группы «сопровождал» тот тип графики, который был ими усвоен ранее. Поэтому, на наш взгляд, логичным выглядит появление «палестинского» или близкого к нему вида письма в столь отдаленных территориях. Только в более поздних источниках заметно присутствие, так скажем, новых веяний культуры – распространение арабской письменности видоизменило стилистику различных еврейских шрифтов.

Ekaterina M. Belkina

(Institute of Oriental Manuscripts, St. Petersburg)

‘Iranian’ Hebrew Palaeography in the 10–12th cts.

Keywords: Hebrew manuscripts; Jewish diaspora; Greater Iran; the 10–12th cts.; palaeography

A few years ago, Prof. Judith Olszowy-Schlanger published her study on a ‘Palestinian’ script type in Hebrew manuscripts, found in some documents of the Cairo Genizah. This script was named ‘Palestinian’ because the documents were created by members of the “Palestinian congregation” – a group of Jews, adherents of the Holy Land ritual. They lived in Cairo in the 11th century. The Hebrew letters appeared in the documents differ from the palaeography of the materials created simultaneously by Jews in different parts of the Near and Middle East.

I conducted a diachronic study of the manuscripts, which, according to colophons or indirectly, belonged to the diasporas in Greater Iran of the 10–12th cts. It helped to identify a pattern between the palaeography of the ‘Palestinian’ Cairo sources and the palaeography of the monuments of Greater Iran. The main sources of Iranian Jews are the following: a letter from Sogdiana of the 8th century, a fragment of the Bible from 903/4, sources of the Afghan Genizah of the 10–12th cts. and an undated Judeo-Persian tafsir of the 10–12th cts., as well as the Babylonian Codex (916) and the Karasubazar Codex (11th ct.), indirectly localized in Iran.

I argue that there is a direct relationship between the ‘Palestinian’ script type found by prof. Schlanger and the development of paleography among Iranian Jews in the Middle Ages. This relationship can be traced through the surviving texts of Babylonian incantation bowls with the Aramaic alphabet and the very same letter from Sogdiana: the description of the Hebrew characters of the ‘Palestinian’ script type largely corresponds to the characters in the letter. Since we know (including from the Talmudic texts) that the settlement of Jewish diasporas went along the Silk Road to Khorasan, the script type ‘accompanied’ these migrating groups — the script they had previously learned of adopted. Therefore, the appearance of the ‘Palestinian’ or a similar type of writing in such remote territories seems logical. Only in later sources the presence of, so to speak, new cultural trends is noticeable — the spread of Arabic writing modified the style of various Hebrew scripts.

В. В. Бельский

(Московская Духовная Академия)

«Слушай, народ Мой»:

**Применение божественных Ich-Rede в псалмах
и пророческий контекст ветхозаветной Псалтыри**

Ключевые слова: Псалтырь; псалмы Асафа; ветхозаветный пророческий; храмовые пророки; структура пророческой речи; прямая речь Бога

Актуальность изучения ветхозаветного богослужения определяется значимостью храмового богослужения для обществ древнего Израиля и Иудеи, а также значимостью интерпретации этого богослужения как парадигмы развития христианских и иудейских литургических традиций в позднеантичный период. В свою очередь важным компонентом исследования древнееврейских литургических практик является источниковедческий анализ литургических текстов, а также соотнесение их с группами лиц, ответственных за исполнение указанных текстов за богослужением.

Как известно, богослужебные практики древнего Израиля и Иудеи, подобно аналогичным практикам других древних культур, включали исполнение асматических текстов (с инструментальным сопровождением или без него). При совершении храмового богослужения исполнение этих песнопений возлагалось на представителей особых категорий служителей. Примечательно, что в качестве одной из таких групп ветхозаветный нарратив называет сынов Асафа, Хемана и Йедутуна, закрепляя за ними статус *nəbîʾîm* «пророков» (1Пар 25: 1), а одного из родоначальников определяя

лексемой *hōze^h* «провидец» (2Пар 29:30). Кроме того, в состав Псалтыри входит группа псалмов (50, 73–83), надписанных именем Асафа. Подобная ассоциация группы храмовых служителей с пророческими группами видится довольно противоречивой, поскольку библейские пророки Северного и Южного царств стояли в оппозиции к храмовому культу или, по крайней мере, его приоритету в религиозной сфере. Тем не менее, псалмы Асафа являются объектом многочисленных исследований, рассматривающих эти песнопения с позиции участия носителей пророческой традиции в процессе формирования Псалтыри как собрания асматыческих текстов.

В данном докладе будут рассмотрены псалмические тексты, в которых присутствует прямая речь Бога (Ich-Rede). Использование подобных фраз характерно для пророческой речи, а их применение в асматыческих ветхозаветных текстах может служить надежным критерием влияния пророческой традиции на процесс формирования Псалтыри.

Vladimir V. Belsky

(Moscow Theological Academy)

“Hear, O My People”:

**The Use of the Divine Ich-Rede in the Psalms
and the Prophetic Context of the Old Testament Psalter**

Keywords: Psalter, Psalms of Asaph, Old Testament prophetism, Temple prophets, structure of prophetic speech, direct speech of God

The relevance of studying Old Testament worship is determined by the significance of temple worship for the societies of ancient Israel and Judea, as well as the significance of inter-

preting this worship as a paradigm for the development of Christian and Jewish liturgical traditions in the late antique period. In turn, an important component of the study of ancient Israelite liturgical practices is the source analysis of liturgical texts, as well as their correlation with the groups of people responsible for the performance of these texts during worship.

As is known, the liturgical practices of ancient Israel and Judea, like similar practices in other ancient cultures, included the performance of asmatic texts (with or without instrumental accompaniment). During the temple service, the performance of these chants is assigned to representatives of special categories of ministers. It is noteworthy that the Old Testament narrative names the sons of Asaph, Heman, and Jeduthun as one of such groups, assigning them the status of *nəbîʔim* 'prophets' (1 Chr 25:1), and defining one of the patriarchs with the lexeme *hōzeh* 'seer' (2 Chr 29:30). In addition, the Psalter includes a group of psalms (50, 73–83) inscribed with the name of Asaph. Such an association of a group of temple servants with prophetic groups seems rather contradictory, since the biblical prophets of the Northern and Southern Kingdoms stood in opposition to the temple cult, or at least its priority in the religious sphere. Nevertheless, the Psalms of Asaph are the subject of numerous studies examining these hymns from the position of the participation of the bearers of the prophetic tradition in the process of forming the Psalter as a collection of asmatic texts.

This report will examine the psalmic texts that contain direct speech of God (Ich-Rede). The use of such phrases is characteristic of prophetic speech, and their use in asmatic Old Testament texts can serve as a reliable criterion for the influence of the prophetic tradition on the process of forming the Psalter.

Ю. Д. Будман
(СПбГУ, РГУ им. А.Н. Косыгина)

Современные подходы к определению образа *qādēš* в Еврейской Библии и раввинистической литературе: проституированный мужчина, лиминальная фигура, служитель культа или литературный персонаж?¹

Ключевые слова: Библия, раввинистическая литература, храмовая проституция, лиминальные фигуры, идентичность, проблема интерпретации

Гипотеза о храмовой проституции на Древнем Ближнем Востоке, бывшая общепринятой до конца 70-х гг. прошлого века, за последние сорок лет подверглась суровой критике. К этому привело как почти полное отсутствие археологических находок, которые могли бы свидетельствовать в пользу ее существования именно в рамках культа, так и неоднозначность лингвистических и текстуальных данных, допускающих различную трактовку. При исследовании древнего израильского общества проблема приобретает еще большую сложность из-за скудности даже собственно текстуальных свидетельств. Термин *qādēš*, ранее понимавшийся как «храмовая проститутка», встречается в Еврейской Библии всего 11 раз, в мужском (или общем) и в женском роде (Быт. 38:21–22; Втор. 23:18; 3 Цар. 14:24, 15:12 и 22:46; 4 Цар. 23:7; Иов 36:14; Ос. 4:14), и контекст не позволяет однозначно охарактеризовать этот образ или определить его социальную и культурную роль.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, Санкт-Петербургский государственный университет (<https://rscf.ru/project/24-18-00479/>).

С начала XXI в. ориенталистика постепенно отказывается от термина «храмовая проституция», признавая, что он неадекватно описывает реалии древних ближневосточных обществ, однако дискуссия о смысловом наполнении понятия *qādēš* и других подобных терминов в иврите и других семитских языках (например, ивр. *keleḅ*, акк. *qadištu*, *kezertu*, *kezru* и *assinnu*, угарит. *qdš*) далека от завершения. Цель настоящего доклада — представить обзор научных подходов к решению вышеназванной проблемы, сложившихся в востоковедении за последние двадцать лет.

Могут быть выделены три основных направления:

I. библейские *qādēšim* и подобные им фигуры в Угарите и Месопотамии рассматриваются исключительно как служители культа или даже (в случае *qādēšim*-мужчин) как позднейшая интерполяция, не имеющая отношения к реальности, а любые намеки на их предполагаемую неконвенциональную социальную, гендерную и/или сексуальную роль, отвергаются как неверная интерпретация текстуальных свидетельств предыдущим поколением исследователей, которые переносили современные им понятия и категории на античные общества (P. A. Bird, 1995, 2006, 2015, 2019; S. L. Budin, 2008; J. Assante, 2009; I. Zsolnay, 2013; Н. Маккавеев, 2022);

II. проституция не рассматривается как отличительная черта данного социального класса, однако утверждается лиминальный характер таких фигур и их неконвенциональная гендерная и/или сексуальная идентичность (M. Nissinen, 2008; I. Peled, 2010, 2014, 2015, 2016, 2018, 2019; N. Avraham, 2011; S. Helle, 2018; K. A. Ehalt, 2021). Стоит отметить, что не все из названных исследователей полагают возможным соотносить ассиро-вавилонских *assinnu*, угаритских *qdšim* и библейских *qādēšim*;

III. отстаивается гипотеза существования проституции в контексте культа — в той или иной мере, на некоторых

территориях Древнего Ближнего Востока, включая Ханаан (J. Day, 2004; E. Lipiński, 2013), или даже в Иерусалимском Храме (Sh. Inbar, 2018; D. Cohen-Zemah, 2019);

Шб. термин *qādēš* относится в ряде случаев к сфере профанной проституции (M. Simon-Shoshan, 2011; Lipiński, 2013).

В свете скудности и неоднозначности текстуальных свидетельств проблема существования, статуса, социальной роли и функции *qādēšim* в настоящее время остается нерешенной. Исследователю следует быть очень аккуратным в использовании современной терминологии, когда речь идет об обществах и культурах, от которых нас отделяют тысячелетия. Тем не менее, отрицание самого существования такой фигуры, как *qādēš*, и завершение дискуссии по этому вопросу представляется нам несколько поспешным. Проанализировав источники и научные труды коллег, мы делаем осторожный вывод, что комбинация библейских и угаритских данных, а также позднейших раввинистических толкований могла бы свидетельствовать в пользу того, что *qādēšim* были неким феноменом, известным библейским авторам, а их образ, возможно, содержал отдельные неконвенциональные гендерные аспекты, и подобную вероятность не стоит игнорировать.

Yulia D. Budman

(SPbU, The Kosygin State University of Russia)

**Biblical and Rabbinical *qādēš* – a male prostitute,
a liminal figure, a cultic functionary
or a fictional character? Current State of Research**

Key words: Bible; Rabbinical literature; sacred prostitution; liminal figures; identity; problem of interpretation

The assumption of the existence of sacred prostitution in the ancient Near East was heavily challenged by modern scholars in the end of the 20th century due to the virtual lack of the archeological data that could confirm its presence and due to the ambiguity of linguistic and textual evidence. When speaking about ancient Israeli society, the matter becomes even more complicated, because the textual data is extremely scarce. The term *qādēš*, previously used to be understood as ‘temple prostitute’, appears in the Hebrew Bible only eleven times in both masculine (or inclusive) and feminine form (Gen. 38:21–22, Deut. 23:18, 1 Kings 14:24, 15:12 and 22:46, 2 Kings 23:7, Hos. 4:14, Job 36:14). The context does not provide much information about the character of *qādēš*, his appearance or functions, and we do not have any extrabiblical reference to the figure in the Land of Israel in Biblical times.

By the second decade of the 21st century, the notion of sacred prostitution in the context of ancient Near East has been labelled as myth and became almost outdated in the academic discourse. However, the discussion about the semantics of the word *qādēš* and similar terms in Hebrew and other Semitic languages (e.g. Hebrew *keleb*, Accadian *qadištu*, *kezertu*, *kezru* and *assinnu*, Ugaritic *qdš*) and about the status and role of such people in ancient societies is far from the end. The aim of the paper is to present an overview of the state of research in the field in the last twenty years.

Three major approaches to the problem can be distinguished:

I. seeing *qādēšim* and their non-Israeli counterparts as mere cultic personnel or even as literary invention (in the case of male *qādēšim*) and rejecting every hint of their apparent non-conventional gender and/or sexual expression as misinterpretation by the previous generation of scholars, who extrapolated modern social categories onto ancient societies (P. A. Bird, 1995, 2006,

2015, 2019; S. L. Budin, 2008; J. Assante, 2009; I. Zsolnay, 2013; N. Makkaveev, 2022);

II. not speaking of sacred or profane prostitution per se, but arguing in favor of liminality and non-conventional social and/or sexual behavior of such individuals/cultic personnel (e.g. M. Nissinen, 2008; I. Peled, 2010, 2014, 2015, 2016, 2018, 2019; N. Avraham, 2011; S. Helle, 2018; K. A. Ehalt, 2021). It should be noted, however, that Nissinen, for example, argues against the extrapolation of Assyrian data onto ancient Israeli and Ugaritic societies;

IIIa. still defending the presence of prostitution within the cultic context to a certain degree in some parts of ancient Near East, including Canaan (e.g. J. Day, 2004; E. Lipiński, 2013), or even in the Temple of Jerusalem (e.g. Sh. Inbar, 2018; D. Cohen-Zemah, 2019);

IIIb. placing the figure of *qādēš* in some cases within the sphere of profane prostitution (e.g. M. Simon-Shoshan, 2011; Lipiński, 2013).

In the light of little and ambiguous evidence, the discussion is still ongoing, and the question about the existence and status of *qādēš* remains unsolved. It is true that the researcher must be very careful in applying modern terms and categories, when speaking about ancient societies, and should avoid generalizations. Nevertheless, regarding *qādēšîm* as mere literary invention seems to me too extreme. My cautious argument is that the combination of biblical, Ugaritic and later rabbinical sources may speak in favor of the existence of *qādēšîm* as a phenomenon known to biblical authors. *Qādēšîm*, indeed, could be a class of cultic personnel, who might express some non-conventional gender traits, and this probability should not be dismissed.

Е. В. Гордиенко
(ИСАА МГУ)

**Победитель монголов Чан Хынг Дао как герой
вьетнамских житийных текстов (на примере
повествований о духах провинции Ханам)¹**

Ключевые слова: Вьетнам; история Вьетнама; Дайвьет; жителя; духи местности; народная религия

Чан Хынг Дао (1228–1300) — один из ключевых персонажей вьетнамской истории, победитель войн против китайско-монгольских вторжений второй половины XIII в. Он стал объектом почитания в рамках вьетнамской народной религии, а также покровителем многих деревень в северных провинциях Вьетнама.

В докладе рассматривается целый ряд житийных текстов (*тхантынь*, thần tích 神蹟), связанных с почитанием Чан Хынг Дао: мы сопоставляем приведённые в них сведения с информацией вьетнамской государственной летописи *Đại Việt sử ký toàn thư* «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (XV–XVII вв.). Перевод и анализ житийных текстов о Чан Хынг Дао продолжает цикл наших исследований корпуса жизнеописаний вьетнамских духов, чьи культы доньне отправляются во Вьетнаме.

По сравнению с другими духами, почитаемыми в деревнях дельты Красной реки, в отношении Чан Хынг Дао не сложилось подробного жизнеописания. Кроме того, в *тхантынях* не наблюдается многообразия версий описания его жизни. По-видимому, причина этого заключается в наличии летописного повествования, содержащего подробное описа-

¹ Автор благодарит М. Ю. Ульянова за содействие в подготовке доклада.

ние подвигов и жизни Чан Хынг Дао. Кроме того, составлением официальных жизнеописаний духов занимались авторы летописей — придворные историографы.

Из 33 переведённых нами повествований о Чан Хынг Дао из провинции Ханам лишь два содержат сведения о нём, остальные лишь сообщают о традициях его почитания, сохранившихся к 1938 г. (времени составления используемых нами списков деревенских житий по требованию колониальной администрации). Таким образом, мы приходим к выводу, что в жизнеописаниях духов, покровительствующих местности, нет никакой корреляции между распространённостью почитания того или иного духа и детальностью его жизнеописания в *тхантытях*.

Что касается содержания рассмотренных нами *тхантытей* о Чан Хынг Дао, то житийный текст в целом воспроизводит летописное повествование и не противоречит исторической информации, однако почитаемый персонаж переосмысливается в житийном ключе: Чан Хынг Дао борется с монголами не только за сохранение независимости родной страны, но и за сохранение вьетнамских храмов и духов.

Elena V. Gordienko
(IAAS MSU)

The conqueror of the Mongols Trần Hưng Đạo as a hero of Vietnamese hagiographic texts (case study of stories about deities of the province of Hà Nam)

Keywords: Vietnam; history of Vietnam; *Đại Việt*; hagiographies, tutelary deity; folk religion

Trần Hưng Đạo (1228–1300) is one of the key figures in Vietnamese history, the victor of the wars against the Sino-Mongol invasions in the second half of the 13th century. He became an

object of veneration in the Vietnamese folk religion as tutelary deity of many villages in the northern provinces of Vietnam. The paper examines a number of hagiographic texts (*thần tích* 神蹟) related to the veneration of Trần Hưng Đạo, and compare them with the official Vietnamese chronicle *Đại Việt sử ký toàn thư* “Complete Annals of Đại Việt” (15–17th centuries). The translation and analysis of the hagiographic texts about Trần Hưng Đạo continues our series of studies of the corpus of hagiographies of Vietnamese deities, whose cults are still practiced in Vietnam.

Compared to other spirits worshiped in the villages of the Red River Delta, there is no detailed hagiography of Trần Hưng Đạo. In addition, there is no diversity of versions in the description of his life in *thần tích*. Apparently, the reason for this is the presence of a narrative in the official chronicle containing a detailed description of the feats and life of Trần Hưng Đạo. Moreover, the compilation of official hagiographies of deities was carried out by the court historiographers, which were also authors of the official chronicles.

I translated and analyzed 33 *thần tích* about Trần Hưng Đạo from the province of Hà Nam. Only two of them contain information about him, and the rest only report on traditions of his veneration remaining by 1938 (by the time of compiling copies of village hagiographies at the request of the colonial administration). Thus, I come to the conclusion that in the stories of the tutelary deities, there is no correlation between the prevalence of the veneration of a particular deity and the level of detail of his story in the *thần tích*. As for the content of the *thần tích* about Trần Hưng Đạo that I research, the hagiographic text mainly reproduces the chronicle narrative and does not contradict the historical information, but the revered character is reinterpreted in the hagiographic vein: Trần Hưng Đạo fights the Mongols not only to preserve the independence of his native country, but also to preserve Vietnamese temples and deities.

М. Ю. Илюшина
(ИВ РАН)

Черкесский мамлюк в Хамдане: биография и анекдот в средневековой арабской историографии¹

Ключевые слова: черкесские мамлюки; биография; Египет; Сирия; исторический источник

Военный корпус мамлюков-черкесов был основан в XIII в. египетским султаном ал-Мансуром Калауном (1279–1290), а в конце XIV в. один из мамлюков черкесского происхождения, аз-Захир Баркук (1382–1399) сверг с престола наследника Калауна и положил начало правлению черкесов в Египте и Сирии. История черкесского корпуса при Калауне и Калаунидах (1279–1382) — одна из актуальных и важных, но пока еще не решенных задач мамлюковедения, прежде всего, потому, что арабские историки сравнительно редко упоминают об этнической принадлежности мамлюков. Возможность проследить за судьбами мамлюков-черкесов в этот период дают биографические словари. Расцвет биографического жанра в историографии мамлюкской эпохи, впитавшего в себя длительную традицию литературы *табакат*, свидетельствовал о повышенном внимании к личности, индивидуальности, ее роли в социальной и политической истории.

Отдельные эпизоды борьбы черкесов за политическое доминирование в Султанате мамлюков нашли отражение в биографии эмира Аккуша ал-Афрама (ум. в 1316 или 1320 г.),

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

который сделал яркую и незаурядную карьеру, добился высокого положения при наследниках Калауна, став наместником султана в Сирии, но затем вынужден был бежать и скрывался в государстве Хулагуидов. На примере жизнеописания черкесского эмира Аккуша ал-Афрама, представленного в ряде арабских сочинений XIV–XV вв., будет сделана попытка продемонстрировать специфику использования биографического материала, в значительной мере обогащенного элементами *адаба*, в качестве исторического источника.

Milana Yu. Iliushina

(IOS RAS)

**Circassian Mamluk in Hamdan: biography and anecdote
in medieval Arab historiography**

Keywords: Circassian Mamluks; Egypt; Syria; biography; historical source

The military corps of the Circassian Mamluks was founded in the 13th century by the Egyptian Sultan al-Mansur Qalawun (1279–1290). At the end of the 14th century a Circassian Mamluk Barquq, dethroned one of Qalawun's heirs and began the rule of the Circassians in Egypt and Syria (1382–1517). The history of the Circassian corps under Qalawun and Qalawunids (1279–1382) is still one of the least studied fields in Mamluk studies. Biographical dictionaries provide an opportunity to follow the careers of the Circassians during this period. The flourishing of the biographical genre in the historiography of the Mamluk era, which absorbed the long tradition of *Tabaqat* literature, testified to increased attention to the individual, personality, and its role in social and political history.

Some episodes of the Circassians' struggle for political dominance in the Mamluk Sultanate were reflected in the biography of amir Aqqush al-Afram (d. 1316 or 1320), who made a bright and extraordinary career, achieved a high position under the heirs of Qalawun, was the Sultan's governor in Syria, but forced to flee and hid in the Hulaguid state. Using the case of the Circassian amir Aqqush al-Afram, presented in a number of Arabic works of the 14th–15th centuries, the paper aims to investigate the specificity of using biographical material, significantly enriched with elements of *adab*, as a historical source.

О. А. Казакевич
(ИЯз РАН; РГГУ)

Шаманская традиция у эвенков сегодня: практикующий эвенкийский шаман

Ключевые слова: эвенкийский язык; шаманская традиция у эвенков; языковые контакты; этнокультурные контакты; буддизм; христианство

В докладе речь пойдет о сохранности шаманской традиции в разных локальных группах эвенков — от Томской области и Красноярского края до Сахалина и от Таймыра до границы с Китаем. Еще с середины 1920-х г., но особенно с конца 1920-х – начала 1930-х во время коллективизации, по всей Сибири шаманы интенсивно преследовались: от запрета проведения ритуалов до физического уничтожения. Во время Великой Отечественной войны преследования шаманов несколько ослабли, но продолжались. При этом шаманская традиция у эвенков не умерла, а притаилась, ушла в леса и горы, о чем свидетельствуют рассказы пожилых людей, в детстве (1940–1970) присутствовавших на камланиях. Однако, когда в конце 1980-х шаманская традиция вышла из подполья, оказалось, что сохранилось множество рассказов о шаманах, но самих шаманов, принявших шаманский дар от своих предков и готовых практиковать в своей локальной группе, осталось совсем немного. Об этих единицах «настоящих», а не «сценических» шаманов я слышала рассказы все четверть века моих эвенкийских экспедиций, начиная с 1998 г., в том числе и от их потомков, однако встретить хоть кого-то из них мне не удавалось.

И вот летом этого (2024) года, во время экспедиции к баргузинским эвенкам в Курумканский район республики Бурятия, нам выпал шанс увидеть практикующего эвенкийского шамана и сделать от него записи. Мы нашли 91-летнего шамана, Орочена Степановича Берельтуева, в селе Улюнхан. Незадолго до нашей встречи Орочен Степанович ездил в тайгу на священное место, где проводил родовое моление.

Беседа длилась около двух часов, в основном по-эвенкийски. Среди рассказанных историй есть подробное описание обряда поклонения водяному для предотвращения появления в селе утопленников как среди людей, так и среди скота, описание того, как Орочен Степанович стал шаманом, чему учили его старики, что они ему рассказывали и др. В докладе я не только познакомлю с некоторыми из этих историй, но и попробую объяснить, почему шаманы сохранились сегодня у эвенков именно в Бурятии.

Olga Kazakevich

(Institute of Linguistics, RAS; RSUH)

**Shamanic tradition among the Evenks today:
a practicing Evenki shaman**

Keywords: Evenki language; shamanic tradition among the Evenks; language contact; ethno-cultural contacts; Buddhism, Christianity

In the paper the preservation of the shamanic tradition in different local groups of Evenks — from the Tomsk region and Krasnoyarsk Territory to Sakhalin and from Taimyr to the border with China will be discussed. Since the mid-1920s, but especially since the late 1920s and early 1930s, during collectivization,

shamans were intensively persecuted throughout Siberia: from banning their rituals to physical destruction. During the Great Patriotic War, the persecution of shamans weakened somewhat, but continued. Still, the shamanic tradition among the Evenks did not die, but hid, went into the forests and mountains, as evidenced by the stories of elderly people who attended shamanic rituals in their childhood (1940–1970). However, when the shamanic tradition came out of hiding in the late 1980s, it turned out that many stories about shamans remained, but very few shamans themselves who accepted the shamanic gift from their ancestors and were ready to practice in their local group remained. I heard stories about these remaining ‘real’ and not ‘stage’ shamans throughout the quarter of century of my Evenki expeditions, starting in 1998, sometimes from their descendants, but I was not lucky enough to meet any of them.

Finally, this summer (2024) during the expedition to the Barguzin Evenks in the Kurumkan district of Buryatia, we got the chance to see a practicing Evenki shaman and to audio and video record his stories. We found the 91 years old shaman Orochen Stepanovich Bereltuev, in the settlement of Uliunkhan. Shortly before we met, Orochen Stepanovich went to a sacred place in the taiga where he conducted a clan worship of the ancestres.

Our conversation lasted about two hours, mostly in Evenki. Among the recorded stories, there is a detailed description of the ritual of worshiping the water spirit to prevent drowning cases in the village, both among people and among livestock, a description of how Orochen Stepanovich became a shaman, what the old people taught him, what they told him, etc. In the paper I will not only present some of these stories, but also try to explain why shamans are preserved today just among the Evenks of Buryatia.

К. А. Кириленко
(НИУ ВШЭ, Москва)

Самодельные закладки в рукописном и старопечатном архиве Шамигула Бикбаева (1876–1957) как исторический источник

Ключевые слова: Башкирия; частные архивы; самодельные закладки; книжная культура мусульман; ислам в СССР

Шамигул Бадретдинович Бикбаев (1876–1957) на своей родине в Башкортостане был известен как врачеватель, а также уважаемый знаток мусульманских традиций и суфийских ритуалов. На протяжении жизни он собирал рукописи и книги на языках ислама, что позволило ему сформировать достаточно большую (свыше 70 единиц) частную коллекцию мусульманских источников.

Осенью 2023 года группа студентов и преподавателей из НИУ ВШЭ, УУНиТ, МГИМО и ЮФУ отправилась в исследовательскую экспедицию по Республике Башкортостан. Участники экспедиции встретились с потомками Шамигула Бикбаева в селе Бустубаево Кугарчинского района Республики и оцифровали его коллекцию книг и рукописей.

В коллекции представлены старопечатные и рукописные источники на разных языках, включая арабский, персидский, поволжский тюрки и другие. В ней были обнаружены труды по мусульманскому праву, арабской грамматике, а также *тафсиры* знаменитых исламских богословов и сборники молитв. По предварительным оценкам, хронологические рамки собрания охватывают период как минимум с первой половины XIX в. до 1930-х гг.

Отдельный интерес вызывают самодельные закладки, которые были найдены в нескольких источниках коллекции. Они представляют собой фрагменты листов из советских школьных тетрадей с выписками из мусульманских источников или молитвенными формулами. Анализ материалов, при помощи которых созданы закладки, и записанных на них текстов, говорит о том, что книги и рукописи читались Шамигулом Бикбаевым вплоть до его смерти.

Подобные самодельные закладки — вполне самостоятельный и важный источник, раскрывающий историю бытования коллекции мусульманских рукописей и книг в советское время.

Kseniia A. Kirilenko
(HSE University, Moscow)

Self-made bookmarks in the manuscripts and old printed books in archive of Shamigul Bikbayev (1876–1957) as a historical source

Keywords: Bashkiria; private archives; self-made bookmarks; book culture of Muslims; Islam in the Soviet Union

Shamigul Badretdinovich Bikbayev (1876–1957) was known in his homeland in Bashkortostan as a healer, as well as a respected expert on Muslim traditions and Sufi rituals. Throughout his life, he collected manuscripts and books in the languages of Islam, which allowed him to amass a fairly large private collection of Muslim sources, comprising over 70 items.

In the autumn of 2023, a group of students and professors from the HSE, UUST, MSIIR (MGIMO) and SFU went on a research expedition to the Republic of Bashkortostan. The expedition

participants met with the descendants of Shamigul Bikbayev in the village of Bustubaevo in the Kugarchinsky District of the Republic, and digitized his collection of books and manuscripts.

The collection includes old printed and manuscript sources in various languages, including Arabic, Persian, Volga Türki, and others. Among the items are works on Islamic law, Arabic grammar, as well as tafsirs by famous Islamic theologians, and collections of prayers. According to preliminary estimates, the chronological framework of the collection covers the period from at least the first half of the XIX century to the 1930s.

Of particular interest are the self-made bookmarks found in several of the collection's sources. These bookmarks are fragments of pages from Soviet school notebooks, inscribed with extracts from Muslim sources or prayer formulas. An analysis of the materials used to create the bookmarks, along with the texts written on them, indicates that books and manuscripts were read by Shamigul Bikbayev until his death.

Such self-made bookmarks are an independent and significant source, shedding light on the history of the existence of the Muslim manuscripts and books in Soviet times.

Е. В. Коровина
(ИЯз РАН)

К вопросу о метрической структуре малайского *пантуна*

Ключевые слова: метрика; *пантун*; теория стиха

Пантун является одним из традиционных жанров малайской фольклорной поэзии. В наиболее распространенной форме *пантун* представляет собой четверостишие с перекрестной рифмовкой, где первое двустишие (*sampiran*, иносказание) определенным образом тематически соотносится со вторым (*isi*, смысл, содержание).

Такая краткость формы *пантуна* ставит перед формальным стиховедением ряд вопросов о том, на каком принципе основана его метрика, в частности, является ли метрика *пантуна* основанной на тоническом принципе (т. е. на соизмеримости количества ударений) или же на силлабическом (т. е. на соизмеримости количества слогов). В рамках стиховедения принято оценивать статистическими методами, однако в случае 4-х строк *пантунов* они не позволяют, как кажется, получить однозначный ответ.

Длина строки с исследуемым корпусе из свыше 1000 текстов *пантунов* находится между 6 и 14 слогами ($\frac{2}{3}$ строк имеют длину 9 или 10 слогов). При этом интересно, что средняя длина четных строк чуть больше, чем строк нечетных, а также средняя длина первой части чуть короче, чем средняя длина второй части. В рамках одного текста строки в подавляющем большинстве случаев или одинаковую длину, или отличаются на один слог. Соответственно текст *пантунов* может быть проанализирован как силлабический.

При предположении тонической структуры длина строки варьируется от 2 до 6 слов, при этом большинство строк ($\frac{3}{4}$) имеют длину 4 ударных слова. При этом важно, что с точки зрения структуры стиха предлоги *ke*, *di*, посесивные суффиксы *-ku*, *-nya*, союзы *yang* и *dan* и некоторые другие слова в подавляющем большинстве случаев ударения не получают, а редупликации чаще всего получают 2 ударения. Таким образом пантуны могут анализироваться и как тонические тексты.

Выбор же между этими двумя тенденциями кажется крайне сложным, поскольку хотя с формальной точки зрения вариация длины строк меньше в случае тонической основы, однако, как кажется, в данном случае это возникает лишь из-за эффекта меньшей базы. Как представляется автору анализ подобного рода коротких текстов фактически снимает оппозицию между этими двумя системами стихосложения.

Evgeniya V. Korovina
(Institute of linguistics RAS)

On the Metric Structure of Malay *Pantun*

Keywords: *pantun*; metrics; verse theory

Pantun is one of the traditional genres of Malay folk poetry. In its most common form, a *pantun* consists of a quatrain with alternating rhymes, where the first two lines (*sampiran*, allegory, hint) are thematically related to the second ones (*isi*, content).

The brevity of the *pantun* form raises several questions for formal versification studies about the principles underlying its metrics. Specifically, the question is whether the metrics of

pantun are based on the tonic principle (i. e., on the comparability of the number of stresses) or on the syllabic principle (i. e., on the comparability of the number of syllables). In verse theory, it is customary to assess these metrics using statistical methods. However, in the case of four-line pantuns, these methods do not seem to provide a definitive answer.

The line length in the studied corpus of over 1,000 pantun texts ranges from 6 to 14 syllables (with $\frac{2}{3}$ of the lines being 9 or 10 syllables long). It's interesting that the average length of even lines is slightly longer than that of odd lines, and the average length of the first part is slightly shorter than that of the second part. Within a single text, the lines in most cases either have the same length or differ by one syllable. Consequently, pantun texts can be analyzed as syllabic.

Assuming a tonic structure, the line length varies from 2 to 6 words, with most lines ($\frac{3}{4}$) consisting of 4 stressed words. It is important to note that, from the perspective of verse structure, prepositions like *ke*, *di*, possessive suffixes *-ku*, *-nya*, conjunctions *yang* and *dan*, and certain other words, in most cases, do not receive stress, while reduplications most often receive 2 stresses. Thus, pantuns can also be analyzed as tonic texts.

Choosing between these two tendencies seems extremely difficult. Although, from a formal point of view, the variation in line length is smaller in the case of a tonic foundation, it seems that this arises only because of the effect of a smaller base. The author suggests that analyzing such short texts effectively removes the opposition between these two systems of versification.

Л. Г. Лахути
(ИВ РАН)

Диалог с небом в поэмах Фирдоуси и 'Аттара

Ключевые слова: персидская поэзия; небосвод; человек; персонификация; Фирдоуси; 'Аттар

Небо в персидской поэзии нередко персонифицируется, оно предстает как могучее существо, непрестанное кружение которого вокруг земли определяет ход времени и правит судьбами людей. Поэты прославляют высоту и величие небосвода, призывают его милость к себе или к тому, кому посвящено стихотворение (*мамдуху*-покровителю или возлюбленному другу), но чаще они сетуют на его жестокость, неверность и равнодушие: небосвод высоко возносит человека, а потом сбрасывает его вниз и уничтожает. Поэты обращаются к небосводу с такими упреками, однако небосвод, как правило, не дает им ответа. В докладе обсуждаются два случая, когда небосвод отвечает на обращение: первый — из поэмы Абулькасима Фирдоуси *Шах-наме* (X в.), второй — из поэмы суфийского поэта Фарид ад-дина 'Аттара *Мусибат-наме* «Книга скорбей» (XII в.). Великий предшественник 'Аттара упрекает небосвод в несправедливости, в том, что тот благоволил к нему, молодому и сильному, а теперь жесток к старому и немощному. Персонаж поэмы 'Аттара, «Странник-мысль» (*салик-и фикрат*), то есть персонифицированная мысль, странствует по духовным мирам в поисках утешения в своей метафизической скорби. Странник видит в небосводе сходство с ним самим: он так же безостановочно кружит, как небосвод вокруг земли, и не находит успокоения. Поэтому он надеется, что небосвод может его чему-то

научить, открыть ему смысл происходящего с ним и принести ему утешение. Обращения эти очень различны, но ответы схожи: в каждом из них небосвод — а через него и поэт — апеллирует к высокому назначению человека и его уникальному месту во вселенной.

Leyli G. Lahuti

(IOS RAS)

Dialogue with the sky in the poems of Ferdowsi and ‘Attar

Keywords: Persian poetry; sky; man; personification; Ferdowsi; ‘Attar

The sky in Persian poetry is often personified, appearing as a powerful being whose incessant circling around the earth determines the course of time and rules the fate of people. Poets praise the height and grandeur of the sky, invoke its mercy upon themselves or those to whom their poem is dedicated (a patron-*mamdouh* or a beloved friend). More frequently, however, they lament its cruelty, faithlessness, and indifference: the sky raises a man high and then casts him down and destroys him. Poets often address such reproaches to the sky, but typically, it does not respond. The paper discusses two cases in which the sky does reply: the first is from the poem *Shah-nameh* by Abu’l-Qasim Ferdowsi (10th century), and the second is from the *Musibat-nameh* (The book of torments), *masnavi* by the Sufi poet Farid ad-Din ‘Attar (12th century). ‘Attar’s great predecessor reproaches the sky for injustice, that it favoured him, young and strong, and now it is cruel when he is old and frail. The character in ‘Attar’s poem, ‘Traveller of Thought’ (*sālik-i fikrat*), — i. e., thought personified — wanders through spiritual worlds seeking solace in his

metaphysical grief. The Traveller sees in the sky a resemblance to himself: he wanders endlessly just as it circles around the earth finding no rest. So he hopes that the sky might teach him something, reveal the meaning of what is happening to him and bring him comfort. Although these appeals are quite different, the responses are similar: in both cases, the sky – and through it the poet – appeals to man's high purpose and his unique place in the universe.

С. В. Лахути
(ИБ РАН)

**Эпистолярная коммуникация в цифре:
опыт разработки базы данных
для *Шах-наме* Фирдоуси**

Ключевые слова: эпистолярная коммуникация; Фирдоуси; *Шах-наме*; письма; база данных

Существующие базы данных, которые описывают реально существующие письма и документы, разработали разные варианты описания в зависимости от типа документов и исследовательских потребностей. Некоторые предлагают минимальную информацию (дата, место написания, имена корреспондентов, название коллекции, к которой принадлежит письмо), позволяют сортировать письма в соответствии с именем одного из корреспондентов или датой написания, осуществлять поиск по слову или сочетанию слов. Другие предлагают большие возможности, например, выбирать по эмоциональной направленности письма, дают возможность ознакомиться и с фотографией текста и его расшифровкой, кодикологическими особенностями. Однако составление базы данных для литературных писем и устных посланий представляет особые вызовы. С одной стороны, некоторая информация, актуальная для исторических собраний, такая как дата письма, место его написания или описание физического носителя, для посланий из литературного произведения может быть неактуальна. С другой, важными могут оказаться другие сведения — например, местонахождение в произведении (с точки зрения части произведения или страницы в конкретном издании), для критического издания — разночтения по рукописям, специфика

коммуникативной ситуации и т. д. Подбор правильной комбинации параметров должен обеспечить максимальные возможности для исследования подобных аспектов произведения.

В докладе будет рассказано о проводимой сейчас работе по разработке такой базы на материале посланий из средневекового персидского литературного эпоса *Шах-наме* Абулькасима Фирдоуси (X–XI вв.) и будет продемонстрирована первая рабочая версия базы. Работа проводится на основании Московского издания научно-критического текста *Шах-наме* с учетом значимых разночтений по использованному в издании рукописям.

Sofia V. Lahuti
(IOS RAS)

**Epistolary communication in digital form:
an experimental database for Ferdowsi's *Shah-nameh***

Keywords: epistolary communication; Ferdowsi; *Shah-nameh*; letters; database

The existing databases that focus on historical letters and documents have developed different approaches based on the type of documents and researchers' needs. Some provide minimal information (i. e. date, place, names of the correspondents, name of the collection), enable one to sort letters by correspondent or date, and allow basic word searches. Others offer more advanced options, such as choice of emotional content, codicological features, a photo of the text along with the deciphered version, etc. However, a database for literary letters and oral messages can present special difficulties. For example, it

might be important to not only indicate the location of the letter in a particular edition, but also the part of the book it belongs to, or to present information about variants in manuscripts, the particulars of a communicative situation, etc. The choice of the most relevant combination of parameters is important in terms of expanding the scope of potential research carried out with the use of the said database.

The first working version of a database that includes letters and oral messages from Abulqasim Ferdowsi's Persian epic poem *Shah-nameh* (10th–11th cts.) will be presented. It allows us to choose letters based on the names of the communicants and their social statuses and their correlation, 'citizenship', etc., along with some features of the text itself, such as the presence of the elements of a letter's formal structure. The text fragments for the database have been extracted from the Moscow critical edition of *Shah-nameh*. The relevant text variations are considered and described.

Н. Р. Лидова
(ИМЛИ РАН)

**«Санскритский космополис» в новейших
исследованиях древнеиндийской поэтики**

Ключевые слова: космополис; санскрит; поэтика; придворная культура; *Кавьядарша*; Дандин

Доклад посвящен влиянию теории «санскритского космополиса», предложенной американским индологом Шелдоном Поллоком почти два десятилетия назад, на новейшие исследования древнеиндийской поэтики. Предполагая внеконфессиональный характер санскритской космополитической культуры, Поллок считал, что главную роль в ее формировании сыграли просвещенные королевские дворы. Именно они были нервными центрами огромного космополитического мира, развивавшегося на протяжении более полутора тысячелетий во многих странах Южной и Юго-Восточной Азии. Связующей основой этого мира был санскрит, уникальными особенностями которого, по мнению Поллока, были 1) «грамматичность», обеспечиваемая самой развитой лингвистической традицией в древнем мире, 2) «трансрегиональность», делавшая его языком не места, а пути, и 3) универсальность санскритской поэтики, подразумевавшей приверженность не содержанию, а стилю. В докладе предлагается критический обзор важнейших результатов исследовательского проекта, в котором теория Поллока послужила методологической основой для составления космополитической карты странствий, переводов и адаптаций одного из самых известных и важных произведений средневековой индийской поэтики — трактата *Кавьядарша* «Зеркало поэзии» Дандина (VII в.).

Natalia R. Lidova

(Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

**“Sanskrit Cosmopolis” in the Latest Studies
on Ancient Indian Poetics**

Keywords: cosmopolis, Sanskrit, poetics, court culture, *Kāvyaḍarṣa*, Daṇḍin

The paper is dedicated to the influence of the theory of "Sanskrit cosmopolis" (proposed by American Indologist Sheldon Pollock almost two decades ago) on recent studies dedicated to ancient Indian poetics. Suggesting non-confessional nature of Sanskrit cosmopolitan culture, Pollock argued that the main role in its development was played by enlightened royal courts. They were the nerve centers of the vast cosmopolitan world that developed for over more than one and a half millennia in many countries of South and Southeast Asia. The connecting link of this world was Sanskrit with unique features, which according to Pollock, included 1) 'grammaticality', ensured by the most developed linguistic tradition in the ancient world; 2) 'transregionality', which made it the language not of place, but of the way; and 3) universality of Sanskrit poetics, which implied adherence not to content, but to style. The paper offers an analytical and critical overview of the most important findings of a research project for which Pollock's theory served as a methodological basis for the compilation of a cosmopolitan map of travels, translations and adaptations of one of the most famous and important works of medieval Indian poetics – the treatise *Kāvyaḍarṣa* «The Mirror of Poetry» by Daṇḍin (7th ct.).

Д. В. Микульский
(ИВ РАН)

**Властитель милующий и немилующий:
в любом случае, сам раб речения.
К вопросу об исследовании арабо-мусульманской
словесной и политической культуры
(По материалам повествований из арабо-мусульманских
династийных хроник IX–X вв. и иных сочинений)**

Ключевые слова: средневековая арабская историография; арабо-мусульманская политическая культура; Омейяды; *адаб*; ал-Хаджадж б. Йусуф; ас-Саффах; ‘Абдаллах б. ‘Али; Абу Футрус

В арабо-мусульманском историческом предании имеется довольно много сообщений о том, как властитель (халиф, военачальник или наместник) беспощадно расправляется с неким своим провинившимся подданным или поверженным политическим противником. Среди материалов, которыми располагает автор этих строк, весьма яркими подобными рассказами представляются два следующих:

— аббасидский эмир ‘Абдаллах б. ‘Али (ум. 764) приглашает на пир около тридцати сородичей омейядских халифов (661–750) и предательски их убивает (*Та’рих* ал-Йа‘куби; конец IX в.);

— первый аббасидский халиф ас-Саффах (749–754) казнит (во время застолья) омейядского эмира Сулаймана б. Хишама и двоих его сыновей, которых первоначально приютил у себя (тот же источник).

Показательно, что в обоих случаях необходимость убийства мотивируется чтением стихов.

Тем более интересны такие случаи, когда владыка милует виноватого. Среди немногих подобных рассказов одной из наиболее ярких представляется новелла о том, как

жестокий, но мудрый наместник Ирака ал-Хадждадж б. Йусуф ас-Сакафи (660–715) милует не только состоятельного иранца, но и арабского воина, которому было поручено пытками вымогать у богача его достоиние: тот, вопреки приказу, обращается с несчастным гуманно. Ал-Хадждадж узнает о сущности дела от некоего осведомителя. Эта новелла известна автору этих строк по «Рассказам об ал-Хадждадже» (*Ахбар ал-Хадждадж*), включенным в адабный свод (сочинение по «вежеству», познанию, общей культуре, «словесным наукам») *ал-‘Икд ал-фарид* андалусского литератора Ибн ‘Абд Раббихи (860–940). Версия новеллы имеется в другом адабном своде, *ал-Камил*, известного филолога ал-Мубаррада (826–898).

Во всех трех случаях владыка в своем деянии руководствуется словом (в двух первых случаях — стихами; в последнем — доносом (в том числе и об уважительном высказывании иранца, последователя зороастризма, об исламе); о доносе в тексте повествования прямо не сказано. Таким образом, всесильный владыка вполне заслуживает прозвания «раба речения»: оно представляется ему мерилом истины.

Думается, что последняя новелла свидетельствует, среди прочего, о том, насколько случаи милости были редки, но поэтому особенно ценны для носителей арабо-мусульманской политической культуры, отраженной в династийных хрониках и в памятниках письменности иных жанров.

Dmitri V. Mikulski
(IOS RAS)

A merciful and non-merciful potentate: in any case himself the slave of saying. Concerning the study of the Arab-Muslim verbal and political culture. (On the basis of narrations from Arab-Muslim Dynasty chronicles dating from 9th–10th centuries and other works)

Keywords: medieval arabic historiography; Arab-Muslim political culture; the Umayyads; *Adab*; al-Hajjaj b. Yusuf; al-Saffah; ‘Abdallah b. ‘Ali; Abu Futrus

The Arab-Muslim tradition of history contains quite a number of pieces of information about potentates (a caliph, a military commander, or a governor) who ruthlessly deal with a certain subject who committed an offense, or with a fallen political adversary. Among the materials at the disposal of the author of the present lines, such stories are presented by the two vivid ones.

The Abbasid emir ‘Abdallah b. ‘Ali (d. 764) invites to a feast some thirty relatives of the Umayyad caliphs (661–750) and murders them traitorously (*Ta’rikh* al-Ya‘qubi; end of 9th ct.);

The first Abbasid caliph al-Saffah (749–754) executes (at meal) the Umayyad emir Sulayman b. Hisham and his two sons, to whom he primarily granted refuge (the same source).

It is significant that in both cases the necessity of the murder is justified by reciting verse.

The more interesting are the cases when a potentate spares the guilty. Among the few similar stories as the most impressive appears the novella about the cruel, but wise governor of Iraq al-Hajjaj b. Yusuf al-Thaqafi (660–715), who pardons not only a wealthy Iranian, but also the Arab warrior, committed to torcher the richman in order to extort his property, but treats the wretched person humanly. Al-Hajjaj learns about the matter from a certain informant.

The novella is known to the author of the present lines through “The Stories about al-Hajjaj” (*Akhbar al-Hajjaj*), included into the *Adab* collection (or the work on “civility”, general knowledge, general culture and “literary sciences” (V.F. Guirgass)) *al-‘Iqd al-farid* by the Andalusian man of letters Ibn ‘Abd Rabbihi (860–940). A version of the novella is available in

another *Adab* collection *al-Kamil* by a renowned philologist al-Mubarrad (826–898).

In all three cases the potentate is guided in his deed by a phrase (in the first two cases by verse and in the last case by the denunciation, including the respectful words of the Iranian (a Zoroastrian) about Islam which is not mentioned in the narration directly. Thus the almighty potentate entirely deserves the nickname of “the slave of a phrase” which appears to him as the measure of verity.

It seems, that the latter novella notifies, among other things, how rare the cases of mercy were, but because of that it is especially valuable for the bearers of the Arab-Muslim political culture, which is reflected in the Dynastical chronicles and in written sources of other genres.

М. Н. Османова

(ИИАЭ ДФИЦ РАН, г. Махачкала)

Арабографические листовки на языках народов Дагестана о необходимости охраны памятников истории и культуры края (20-е гг. XX в.)

Ключевые слова: народы Дагестана; арабографическое письмо *‘аджам*; советское делопроизводство; листовки; памятники истории, культуры и искусства; Отдел просвещения Дагревкома

Как известно, в течение нескольких столетий в многонациональном Дагестане арабский язык был не только языком богослужения, науки и литературы, но и делопроизводства, частной и официальной переписки вплоть до 30-х гг. XX века. К началу XVIII века народы Дагестана и Северного Кавказа также активно использовали арабографическое письмо *‘аджам*, приспособив арабскую графику к фонетическим особенностям местных языков путем введения диакритических знаков, *ташдидов* и т. д. После установления советской власти *‘аджам* использовался в официальном делопроизводстве до 1928 года параллельно с русским языком применительно к документам, предназначенным для распространения среди местного населения, не владевшего русским языком. Объявления, прокламации, разнообразные по содержанию агитационные листовки, напечатанные или написанные от руки на языках народов Дагестана и Северного Кавказа с использованием арабской графики в 20-е гг. XX века, обнаруживаются в государственных архивах, в частных и мечетских библиотеках Дагестана и других республик Северного Кавказа. К их числу относятся и листовки, распространявшиеся органами Советской власти среди горцев с

призывом организовать охрану памятников истории и культуры родного края — Дагестана.

Еще в начале 20-х годов XX века Советское правительство Дагестана обнародовало официальные документы и предприняло ряд практических мер, целью которых стала организация охраны памятников самобытной материальной культуры края.

21 июня 1920 года Секция охраны памятников искусства и старины Отдела просвещения Дагревкома напечатала в виде листовки «Объявление» — документ на русском языке, подписанный председателем Ревкома Дагестана Н. Самурским и заведующим Секцией по охране памятников искусств и старины С. А. Полторацким, с призывом «хранить памятники искусств глубокой старины, дорогие каждому горцу, как творчество и идеалы его предков». Для горцев, не владевших русским языком, аналогичные по содержанию «Объявления» были написаны от руки на кумыкском и аварском языках с использованием арабской графики. Они были обнаружены нами в ЦГА РД (Ф. 34-р. Оп. 6. Д. № 2) и переведены на русский язык научными сотрудниками отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН Д. М. Маламагомедовым (с аварского) и И. И. Ханмурзаевым (с кумыкского).

В «Объявлениях» говорится, что каждый горец не должен «разрушать и расхищать остатки древних зданий: мечетей, дворцов и других памятников искусств, имеющих художественно-историческое и научное значение», и не должен позволять другим людям делать это. При случайных находках предметов искусства, скрытых в недрах земли, при производстве земляных и строительных работ, и в других случаях, каждый «горец-гражданин» обязан сдать найденные ценности непосредственно в Секцию охраны памятников

или своему комиссару с точным указанием их места нахождения.

Арабографическая официальная документация на языках народов Дагестана советского периода — относительно малоизученный пласт важных источников, который в настоящее время активно вводится в научный оборот учеными-востоковедами и историками.

Milena N. Osmanova

(Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre, RAS, Makhachkala)

Arab graphic leaflets in the languages of Dagestani peoples on the need to protect the historical and cultural monuments of the region (the 20s of the 20th century)

Keywords: peoples of Dagestan; Arabic script *‘ajam*; Soviet record keeping; leaflets; monuments of history, culture and art; Dagreikom Education Department

As it is known, in multinational Dagestan, Arabic was not only the language of worship, science and literature during several centuries, but also the language for clerical work, private and official correspondence until the 30s of the 20th century. By the beginning of the 18th century, the peoples of Dagestan and the North Caucasus also actively used the Arabic script *‘ajam*, adapting Arab graphics to the phonetic features of local languages by introducing diacritics, *tashdids*, etc.

After the establishment of Soviet authority, *‘ajam* was used in the official clerical work until 1928 in parallel with the Russian language in documents intended for distribution to the local population who did not speak Russian. The Arab graphic advertisements, proclamations and propaganda leaflets of various

contents, printed or handwritten in the languages of the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the 20s of the 20th century, were found in state archives, in private and mosque libraries of Dagestan and other republics of the North Caucasus. These include leaflets distributed by the Soviet authorities among the highlanders calling for the protection of historical and cultural monuments of Dagestan, their native land.

In the early 20s of the 20th century, the Soviet Government of Dagestan published official documents and took a number of practical measures aimed at organizing the protection of monuments of the original material culture of the region.

On June 21, 1920, the Section for the Protection of Monuments of Art and Antiquity of the Department of Education of the Dagrevkom printed a document in Russian in the leaflet form ("Announcement"). The Chairman of the Revolutionary Committee of Dagestan N. Samursky and the Head of the Section for the Protection of Monuments of Art and Antiquity S. A. Poltoratsky signed this document. There was an appeal "to preserve monuments of ancient art, dear to every mountaineer, like the creativity and ideals of his ancestors" in it.

For the mountaineers who did not speak Russian, the "Announcements" of similar content were handwritten in Kumyk and Avar languages using Arab graphics. We discovered these leaflets in the Central State Archive of the Republic of Dagestan (F. 34-R. Inv. 6. P. 2). The Researchers of the Oriental Studies Department of the IHAЕ of the Russian Academy of Sciences D. M. Malamagomedov and I. I. Khanmurzaev translated them into Russian from the Avar and Kumyk languages. The "Announcements" consider that every highlander should not "destroy and plunder the remains of ancient buildings: mosques, palaces and other art monuments of scientific, historical and artistic significance," and should not allow others to do so. In case of accidental finding of various pieces of art hidden in the bowels of the earth,

during excavation and construction work, and in other cases, each "mountaineer-citizen" is obliged to hand over the found values directly to the Monument Protection Section or to his commissar with an exact indication of their location.

The Arab graphic official documentation in the languages of Dagestani peoples of the Soviet period is a relatively little-studied layer of important sources, which is currently being actively introduced into scientific circulation by orientalists and historians.

Н. И. Пригарина
(ИВ РАН)

К топографии «Города Риндов» в газели Хафиза

Ключевые слова: *ринд*; круг; кабак; порог; улица; дворец; вино; виночерпий

Как правило, газельная лирика не ставит перед собой цель конкретного воссоздания мест и событий, переводя реалии в систему метафор и иносказаний, лишь изредка позволяющих сопоставить описание с конкретными событиями из жизни поэта или его окружения. Хотя в газелях Хафиза есть целый ряд исторических упоминаний, в частности, имён покровителей или недругов, но даже это далеко не всегда позволяет привязать упоминания в газели к определённому времени, связанному с указанным персонажем. К конкретному материалу в его поэзии можно отнести и то, что касается реальной топографии Ширази с обозначениями его достопримечательностей. Остальную топографию в газели Хафиза можно считать конвенциональной, к тому же всё относящееся к месту действия как бы рассыпано по разным газелям *Дивана* Хафиза. Однако есть газели, в которых эти темы выступают в более сконцентрированном виде. Такова газель 201, которая послужила основой для обращения к теме топографии и составления предварительной «карты местности», в которой действует лирический персонаж газели. Назовём это место Городом Риндов.

Обращение к другим газелям *Дивана* поможет уточнить детали и добавить другие локусы, не отмеченные в основном тексте.

В газели 201 лирический персонаж именуется себя *риндом*, мотивируя это тем, что он влюблённый, пьяница, греховодник, нищий, дервиш и принадлежит к племени честных пьяниц. Прообраз города — территория, окружённая стенами. Такая конфигурация характерна для многих мусульманских средневековых городов, о планировке которых сохранились сведения. Таков, например, Шираз с его путаницей улиц и главными воротами, к которым ведёт и из которых выходит множество дорог. У риндов этому соответствует круг, очерченный циркулем. Если представить в центре круга некоторое место притяжения, то им окажется «порог любви», который располагается «высоко», — ведь это порог дворца обожаемой персоны, особо почитаемого местопребывания влюблённых. Зубцы башен этого дворца касаются престола Божьего.

На дорогах, пересекающих площадь города, у входа и выхода в городские ворота можно встретить суфиев, вставших на путь поисков Истины. Но на пути благочестия расставлены ловушки, в них находятся приманки в виде «кабака» — а в нём «чистое вино и пригожий виночерпий». «Двери кабака» и его «врата» являются местом притяжения.

В этом городе все улицы — это «улицы любви», они ведут к дому друга. На окраине находится «питейный дом», там развалины, в которых торгуют вином маги-зороастрийцы. Там же есть дорожка, по которой можно прийти из мечети в кабак.

Что необычно для Хафиза, почти все достопримечательности города риндов размещены в одной газели. Доклад будет иллюстрирован примерами из газелей.

Natalia I. Prigarina
(IOS RAS)

**Towards the topography of the “City of Rinds”
in Hafiz’s ghazal**

Keywords: map, *rind*, circle, tavern, threshold, street, outskirts, palace, wine, cupbearer

As a rule, *ghazal* lyrics does not have in view definite places and events, shifting the reality into a system of metaphors and allusions. It just occasionally allows to compare the description with definite events from the life of the poet or his environment. Although there are a number of historical references in Hafiz's ghazals, related to the names of patrons or enemies. But even this does not always allow to tie the events of the ghazal to a certain time, associated with the specified character. Mentions related to the real topography of Shiraz with designations of its attractions can be attributed to concrete material in his poetry. The rest of the topography in Hafiz's ghazals can be considered conventional, as well as everything related to the place of action, scattered across different ghazals of Hafiz's *Divan*. However, there are ghazals in which these themes are presented in a more concentrated form. Some of them can serve as the basis for turning to the topic of topography and compiling a preliminary map of the area, like the ghazal 201 (according to Ghani – Qazvini edition). We will call this place the City of Rinds. The rest of the *ghazals* may help to clarify details and add other loci not mentioned in the main text. In the ghazal 201, the lyrical character calls himself *Rind*, motivating it by the fact that he is in love, a drunkard, a sinner, a poor man, a dervish, and belongs to the tribe of honest drunkards.

The prototype of a city is territory, surrounded by a wall. Such a configuration is characteristic of many Muslim medieval cities,

about the planning of which information has been preserved. Such is, for example, Shiraz, with its maze of streets and squares. There are also the city gates to which many roads lead and exit. In common the imaginable city may correspond to the circle, outlined with a compass. Some place of attraction may exist in the center of the circle. It will turn out to be the “threshold of love”, which is located “high”. This is the threshold of the beloved person’s palace, the favorite place of lovers location. The battlements of the palace towers reach the empyrean. The roads cross the city squares, there are many passages at the entrance and exit to the city gates. One can find the routes for those who are travelling in search of Truth. But the path of piety is full of traps and baits in the form of a “tavern” – and “clear wine and a beautiful cup-bearer” in it. The “doors of the tavern” and its “gates” are a place of attraction. In this city, all the streets are “streets of love”, they lead to the house of a friend. On the outskirts, there are ruins, where the Magi-Zoroastrians sell wine. There a “drinking house” is located. There is also a path on which you can come from the mosque to the tavern. What is unusual for Hafiz, almost all these sights as if presenting a map of the City of Rinds are found in one ghazal. The report will be illustrated with examples from different *ghazals*.

А. Д. Притула
(Государственный Эрмитаж, С.-Петербург;
НИУ ВШЭ, Москва)

**Чин Благословения месяцев
в восточносирийских рукописях**

Ключевые слова: Восточносирийская поэзия, Халдейская церковь, сирийские рукописи, рукописный автограф

Доклад посвящен ранее неисследованной группе сирийских поэтических тестов Османского времени. Они сохранились во многочисленных списках и, по-видимому, имели литургическое использование. *Служба месяцев*, или *Строфы службы месяцев*, или даже *Гимны службы месяцев*, как она обозначается в ряде рукописей, — это сборник молитв, написанных в стихотворной форме. Он был доступен нам в семи рукописях, оцифрованных за последние два десятилетия.

Это собрание поэтических молитв, как следует из названий и самого текста, предназначено для чтения в начале каждого месяца, чтобы получить Божье благословение на все месяцы года. Композиционно оно состоит из анонимных вступительных молитв (№№ 1–6), затем следуют молитвы, приписываемые Аврахаму из Бет-Слока (пер. пол. XVI в.) (№№ 7–9), далее — три молитвы, приписываемые Гавриэлу из Бет-Слока (втор. пол. XVI в.) (№ 10–12), а затем — молитвы, приписываемые ‘Авдишо’ Газартскому (ум. 1570), второму патриарху Халдейской церкви, известному поэту и активному писцу (№ 13–22). Судя по типу службы, ее можно отнести к монашеским молениям, которые могли служить даже в келье.

Абрахам из Бет-Слока — известный деятель монашества и литератор первой половины XVI века, который, по-видимому, сыграл важную роль в церковной поэзии этого периода. Он жил в монастыре Мар Аугена близ Нисибина и был старшим современником и духовным наставником ‘Авдишо’ Газартского. Вероятно, будучи сильно заинтересован в популяризации этого обряда, Абрахам написал краткий трактат об этом молении. Однако нельзя исключать, что данная служба совершалась и в обычных приходских церквях.

В автографе ‘Авдишо’ Газартского, написанном в 1566/7 г., все три стихотворные молитвы имеют четкую атрибуцию Абрахаму в заголовке: «Раббана Абрахама из Бет-Слока» (SMMJ 159, fol. 133v–134v). Такое же указание сохранилось во всех остальных рукописях. Поскольку ‘Авдишо’ был учеником и современником Абрахама, нет причин сомневаться в этой атрибуции. Во многих рукописях в рубриках приводится дата создания этих трех поэм, которая неизменно называется «годом 1837 греков», что соответствует 1526 г. н. э. Такая датировка не противоречит тому, что мы знаем об этом авторе. Как духовный наставник ‘Авдишо’ Газартского, он должен был быть несколько старше него.

Следующую группу в этом блоке составляют три молитвы, которые в большинстве рукописей приписываются Гавриэлу из Бет-Слока (№ 10–12), племяннику Абрахама. Единственная рукопись, в которой они опущены, — это автограф ‘Авдишо’ Газартского. Заголовки в рукописях неизменно датируют эти стихи 1910 годом («греков», то есть, Селевкидского летоисчисления), что соответствует 1599 году нашей эры. Судя по предполагаемому времени деятельности автора — конец XVI – начало XVII века, такая датировка представляется вполне вероятной. Отсюда можно предположить, что эти стихи были написаны позже, чем ‘Авдишо’ Газартский написал свою рукопись, поэтому он просто не мог включить их в нее.

Далее следуют стихи (поэтические молитвы), которые во всех рукописях приписываются ‘Авдишо’ Газартскому. В его автографе их всего две. В других рукописях их гораздо больше, и их количество варьируется (№ 13–22). В автографе эти молитвы остаются анонимными, в отличие от других рукописей. Проблема указания авторства стихов ‘Авдишо’ Газартского в автографах и их атрибуция является отдельной научной проблемой. В целом можно отметить, что мы не видим причин сомневаться в авторстве этих двух молитв.

Таким образом, чин или собрание молитв *Благословения месяцев* является памятником, в составлении которого принимали участие несколько поэтов и писцов разных поколений. Это, несомненно, говорит о его популярности, а также о все более широком использовании поэзии в сфере церковных текстов на Ближнем Востоке. Несмотря на небольшие различия между сохранившимися подгруппами стихов, цикл написан единым метром и представляет собой довольно единообразный набор текстов.

Anton D. Pritula

(State Hermitage Museum, St. Petersburg;
HSE University, Moscow)

***The rite of Blessing of the Months
in East Syriac Manuscripts***

Keywords: East Syriac poetry, Chaldean Church, Syriac manuscripts, manuscript autograph

The paper focuses on a previously unexplored group of Syriac poetic texts from the Ottoman period. They have survived in numerous copies and apparently had a liturgical use. The *Service of*

months, or Stanzas for the service of months or even ‘*Ōnyātā for the service of months*, as it is designated in a number of manuscripts, is a collection of prayers written in poetic form. It was available to us in seven manuscripts that were digitized in the last two decades.

This collection of liturgical prayers, as the titles and the text itself suggest, are intended to be read at the beginning of each month in order to obtain God’s blessing for all months of the year. Compositionally, it consists of anonymous introductory prayers (nos. 1–6), then, prayers attributed to Aḅrāham of Bēt Slōk (Slōkāyā) (active in early 16th cent.) (nos. 7–9), followed by three prayers attributed to Gaḅriēl of Bēt Slōk (active in late 16th cent.) (nos. 10–12), and then prayers ascribed to ‘Aḅdīšō’ of Gazarta (d. 1570), second patriarch of the Chaldean Church, a famous poet and active scribe (nos. 13–22).

Aḅrāham of Bēt Slōk was a well-known monk and church author of the first half of the 16th century, who apparently played an important role in the ecclesiastical poetry of the period. He resided in the monastery of Mar Augen near Nisibin, and was an older contemporary and spiritual teacher of ‘Aḅdīšō’ of Gazarta. Being obviously much interested in popularizing this rite, Aḅrāham wrote a short treatise on this praying. However, it cannot be ruled out that this service was also performed in ordinary parish churches. Judging from the type of the service, one could reckon it the monastic prayer rites that might be served even in a cell.

In ‘Aḅdīšō’ of Gazarta’s autograph written in 1566/7 all three of these poetic prayers (SMMJ 159, fol. 133v–134v) have a clear attribution to Aḅrāham in the heading: “by Rabban Aḅrāham of Bēt Slōk”. The same indication is kept in all other manuscripts. Since ‘Aḅdīšō’ was a student and contemporary of Aḅrāham, there is no reason to doubt this attribution. Many manuscripts

give in the rubrics the date of composition of these three poems, which invariably appears as "the year 1837 of the Greeks," which corresponds to 1526 AD. This date does not contradict what we know about this author. As a spiritual authority for the 'Aḅdīšō' of Gazarta, he must have been somewhat older than he was.

The next group within this block are three prayers, attributed in most manuscripts to Gaḅriēl of Bēt Slōk (nos. 10–12), the nephew of Aḅrāham. The only manuscript where they are omitted is 'Aḅdīšō' of Gazarta's autograph. The titles in the manuscripts invariably date these poems to 1910 AG, which corresponds to 1599 AD. Judging from his presumed time of activity, which is late 16th – early 17th centuries, this dating seems quite likely. From this we can assume that these verses were written later than 'Aḅdīšō' of Gazarta wrote his manuscript, why he simply could not include them in it.

Next are the poems (poetic prayers) attributed to the 'Aḅdīšō' of Gazarta in all manuscripts. In his autograph there are only two of them. The other manuscripts contain many more, and the number varies (nos. 13–22). These prayers remain anonymous in the autograph unlike in other manuscripts. The problem of indicating authorship of poems by 'Aḅdīšō' of Gazarta in his autographs and their attribution is a separate scholarly problem. Generally, we can note that we see no reason to doubt the authorship of these two prayers.

Thus, this ritual or collection of prayers is a monument in the compilation of which several scribes of different generations participated. This undoubtedly speaks to its popularity, as well as to the growing use of poetry in the realm of ecclesiastical texts in the Middle East. Despite the slight differences between the extant subgroups of poems, the cycle is written in a single meter and is a rather consistent text set.

М. Л. Рейснер
(ИСАА МГУ)

**Специфика повествования в персидской
любовно-романической поэме 'Аййуки
Варка и Гульшах (XI в.)**

Ключевые слова: жанровый генезис; 'узритская традиция; любовно-романическая поэма; романизация; структура нарратива

Поэма 'Аййуки *Варка и Гульшах* – первая поэтическая обработка арабского 'узритского предания, сложенная по-персидски. Сведения о ней содержатся во многих трудах по истории классической литературы Ирана, но как звено в становления жанра любовно-романического эпоса она практически не рассматривалась. Поэма уступает более поздним выдающимся образцам, но важна для воссоздания целостной картины жанрового генезиса.

Этот текст – своеобразная «лаборатория», в которой повествователь смешивал различные жанровые элементы для достижения искомого художественного результата. Автору пришлось собирать текст из сегментов разного объема, отличающихся друг от друга с точки зрения техники изложения исходной истории. Условно могут быть выделены части героико-эпического, лирического, диалогического и смешенного типа. Каждый из выявленных типов нарратива выполняет свою функцию в сюжетной организации поэмы.

В фокусе изучения текста анализ структуры повествования как ключевого принципа авторской стратегии

переработки арабского сказания. ‘Айюки стремился придать цельность истории, которая в арабских письменных источниках имела форму эпизодов, обозначаемых термином *ахбар* «сообщения». Результат исследования дает представление о том, каким путем шел процесс дальнейшей беллетризации (романизации) заимствованного сюжета в персидской литературе.

Marina L. Reysner
(IAAS MSU)

**The specifics of narrative in the Persian love-romance
Varqa and Gulshah by ‘Ayyuqi (11th ct.)**

Keywords: genre genesis, ‘Udhrite tradition, love-romance poem, narrative structure, novelization

‘Ayyuqi’s romance *Varqa and Gulshah* is the first treatment of the Arabic ‘Udhrite love story composed in Persian poetry. Information about it is contained in many works on the history of classical literature of Iran, but it was practically not considered as a link in the formation of the genre of the romance epic. The poem is inferior to later outstanding examples, but it is important for recreating a complete picture of the genre genesis.

This text is a kind of ‘laboratory’ in which the narrator mixed various genre elements to achieve the required artistic result. The author had to collect the text from segments of different volumes, which also differ from each other in terms of the technique of presenting the original story. Parts of the heroic-epic, lyrical, dialogical and mixed types can be conditionally distinguished. Each of the identified types of narrative performs its function in the plot organization of the poem.

The focus of the study of the text is the analysis of the narrative structure as a key principle of the author's strategy of processing the Arabic legend. 'Ayyuqi sought to give integrity to the story, which in Arabic written sources had the form of episodes, designated by the term *akhbar* 'messages'. The result of the study gives understanding of the way in which the process of further fictionalization (novelization) of the borrowed plot in Persian literature took place.

И. Р. Саитбатталов

(Уфимский университет науки и технологий, Уфа)

**Тюркоязычные произведения
Мухаммада Хасана Катил¹**

Ключевые слова: литературы Индии; Мухаммад Хасан Катил; тюркоязычная литература Империи Великих Моголов; чагатайский язык; язык тюрки

Индийский интеллектуал, филолог и писатель *мирза* Мухаммад Хасан Катил (1758–1818) известен прежде всего произведениями на персидском языке. Корпус его тюркоязычных сочинений, рассматриваемых исследователями, ограничивается грамматическим очерком в составе трактата *Чар шарбат* и славословием (*на‘т*) пророку Мухаммаду в предисловии к собранию писем (*рук‘ат*). Эти тексты не позволяют в полной мере судить о том, насколько хорошо Катил владел литературным языком тюрки в его восточном (чагатайском) варианте.

В Британской библиотеке, Берлинской государственной библиотеке и Библиотеке Раза (г. Рампур, Индия) хранятся три рукописи, содержащие крупное прозаическое произведение со сказочным приключенческим сюжетом, в тексте которого упоминается, что оно было сочинено неким

¹ Исследование выполнено при поддержке финансовой поддержке РФ в рамках проекта «Тюркоязычная поэзия Империи Великих Моголов: текстология, перевод, междисциплинарный анализ» (№ 23-78-01061, <https://rscf.ru/project/23-78-01061/>). Автор выражает искреннюю благодарность Библиотеке Раза (г. Рампур, Индия) за возможность ознакомиться с коллекцией и лично доктору Абу Саду Ислахи за содействие в ее описании.

мирзой Катилем. Рукописи из Берлина (Sprenger-1653) и Рампура (Turki-43) содержат указания, что автором был именно Мухаммад Хасан Катил.

В рукописи из Британской библиотеки (Or. 38) сочинение Катила представлено в качестве приложения к грамматике языка тюрки, составленной под его руководством знатным индийцем тюркского происхождения, писавшим под псевдонимом (*тахаллус*) Амири. Это соседство позволяет отчасти реконструировать контекст тюркоязычного творчества Катила и его восприятия современниками, а также проследить путь его становления как грамматиста.

Iskander R. Saitbattalov

(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

Turkic-language works of Muhammad Hasan Qatil

Keywords: literature of India; Muhammad Hasan Qatil; Turkic-language literature of the Mughal Empire; Chagatai language; Turki language

The Indian intellectual, philologist and writer *mirza* Muhammad Hasan Qatil (1758–1818) is known primarily for his works in Persian. The corpus of his Turkic-language works considered by researchers is limited to a grammatical essay in the treatise *Āar Šarbat* and a glorification (*naʿt*) of the Prophet Muhammad in the preface to a collection of letters (*ruqʿat*). These texts do not allow us to fully judge how well Qatil mastered the literary language of Turki in its eastern (Chagatai) version.

The collections of British Library, the Berlin State Library and the Rampur Raza Library contain three manuscripts containing a large prose work with a fairy tale adventure plot, the text of

which mentions that it was composed by a certain Mirza Qatil. The manuscripts from Berlin (Sprenger-1653) and Rampur (Turki-43) contain indications that the author was Muhammad Hasan Qatil.

In the manuscript from the British Library (Or. 38), Qatil's work is presented as an appendix to the grammar of the Turki language, compiled under his supervision by a noble Indian of Turkic origin, who wrote under the pseudonym (*taḥalluṣ*) Amiri. This juxtaposition allows us to partially reconstruct the context of Qatil's Turkic-language work and his perception by his contemporaries, as well as to trace the path of his development as a grammarian.

Н. И. Сериков
(ИВ РАН)

‘Абдаллах ибн ал Фадл – переводчик Псалмов

Ключевые слова: ‘Абдаллах ибн ал-Фадл ал-Антаки; Георгий Хировоск; Псалтырь; перевод на арабский; Хунайн ибн Исхак

Творчество мелькитского богослова и плодовитого арабо-христианского писателя ‘Абдаллаха ибн ал-Фадла ал-Антаки (ум. после 1052 по Р.Х.) в последние годы привлекло к себе внимание ученых во всем мире. При этом деятельность ‘Абдаллаха ибн ал-Фадла как переводчика Священного Писания на арабский язык осталась за рамками внимания исследователей. Причина этому – фактическое отсутствие материала для сравнения.

По счастливому стечению обстоятельств, удалось найти многочисленные следы переводов Книги Псалмов, выполненные в IX в. по Р.Х. Хунайном ибн Исхаком (809–873 по Р.Х.). Они, в частности, сохранились в обработке Хунайном учебника греческого языка стиля *Ἐπιχειρημοὶ τοῦ Ψαλτηρίου*, написанного византийским грамматистом, диаконом и хартофилаксом храма Св. Софии в Константинополе (ок. IX в. по Р.Х.) Георгием Хировоском. В сирийской транслитерации леммы Хировоска были впоследствии включены в текст сирийского толкового словаря Бар Бахлула (ок. X в. по Р.Х.) и снабжены переводом на сирийский и арабский языки. Дополнительно Хунайн, используя исходный контекст греческой леммы, включил в свою обработку учебника Хировоска и другие леммы из Книги Псалмов, которых изначально не было в византийском тексте. Сравнение перевода этих глагольных лемм на арабский язык с дошедшим до нас

переводом Псалтыри на арабский язык, выполненным ‘Абдаллахом ибн ал-Фадлом, показывает, где ‘Абдаллах сохранил лексику Хунайна, а где изменил ее.

Из текста Бар Бахлула были выписаны все личные формы греческих глаголов (в сирийской транслитерации), числом свыше 600. Результаты проведенного сравнения свидетельствуют, что:

а) примерно на 40% ‘Абдаллах ибн ал-Фадл сохранил лексику переводов Хунайна ибн Исхака. Примечательно в этой связи, что перевод Хунайна отредактирован изначально не был. Хунайн, стремясь полнее передать семантику исходного греческого слова, давал несколько вариантов перевода. ‘Абдаллах ибн ал-Фадл, переводивший контекст, из всех вариантов выбирал один, наиболее подходящий;

б) в ряде случаев ‘Абдаллах ибн ал-Фадл отказывался от вариантов Хунайна и заменял их более «литературными».

Выводы. Перевод Хунайна в значительной степени буквален. Это и понятно: он подбирал слова, искал наиболее приемлемые эквиваленты для текста LXX и Пешитты.

‘Абдаллах ибн ал Фадл преследовал литературные и литургические цели и заботился поэтому о «гладкости» и ритмике текста.

Nikolaj I. Serikoff
(IOS RAS)

‘Abd Allah ibn al-Fadl, the translator of the Book of Psalms

Keywords: ‘Abd Allah ibn al-Fadl al-Antaki; George Choeroboscus; Book of Psalms; translation into Arabic; Hunayn ibn Ishaq

The work of the Melkite theologian and prolific Arab-Christian writer ‘Abd Allah ibn al-Fadl al-Antaki (d. after 1052 A.D.) has attracted the attention of scholars around the world in recent years. However, the work of ‘Abd Allah ibn al-Fadl as a translator of the Holy Scriptures into Arabic has remained outside the attention of researchers. The reason for this is the virtual absence of material for comparison.

By a happy coincidence, it was possible to find numerous traces of translations of the Book of Psalms made in the 9th century AD by Hunayn ibn Ishaq (809–873 AD). They were preserved, in particular, in Hunayn's adaptation of the Greek language textbook of style *Ἐπιμερισμοὶ τοῦ Ψαλτηρίου* written by the Byzantine grammarian, deacon and chartophylax of the Church of St. Sophia in Constantinople (c. 9th century AD), George Choeroboscus. In Syriac transliteration, Choeroboscus's lemmas were subsequently included in the text of the Syriac explanatory dictionary of Bar Bahlul (c. 10th century AD). There they were provided with translations into Syriac and Arabic. In addition, Hunayn, using the original context of the Greek lemmas, included in his adaptation of Choeroboscus's textbook other lemmas from the Book of Psalms, which were not originally in the Byzantine text. A comparison of the translation of these verbal lemmas into Arabic with the extant translation of the Psalter into Arabic by ‘Abd Allah ibn al-Fadl shows where ‘Abd Allah preserved Hunayn's vocabulary and where he changed it.

All personal forms of Greek verbs (in Syriac transliteration), over 600 in number, were extracted from the text of Bar Bahlul. The results of the comparison show that:

a) ‘Abd Allah ibn al-Fadl preserved the vocabulary of Hunayn ibn Ishaq's translations by about 40%. It is noteworthy in this regard that Hunayn's translation was not edited initially. Hunayn, seeking to more exactly convey the semantics of the original

Greek word, gave several translation options. ‘Abd Allah ibn al-Fadl, who translated the context, chose the most suitable one from all the options.

b) In a number of cases, ‘Abd Allah ibn al-Fadl rejected Hunayn’s versions and replaced them with more ‘literary’ ones.

Hunayn's translation is largely literal. This is understandable: he chose words, looking for the most acceptable equivalents for the text of the LXX and Peshitta. ‘Abd Allah ibn al-Fadl pursued literary and liturgical goals and therefore cared about the ‘smoothness’ and rhythm of the text.

Д. М. Тимохин
(ИВ РАН)

Сочинения Афзал ад-дина Кермани и их влияние на формирование локальной историографии Кермана

Ключевые слова: Керман; локальная историография; Афзал ад-дин Кермани; Насир ад-дин Мунши Кермани

Биография и литературное наследие выдающегося персидского историка и литератора второй половины XII – начала XIII в. Афзал ад-дина Керманӣ до сих пор не были предметом детального исследования, хотя его влияние на дальнейшее развитие локальной историографии Кермана было весьма велико. Достаточно вспомнить более поздние тексты Насир ад-дина Муншӣ Керманӣ и Мухаммада ибн Ибраҳима, которые в большей или меньшей степени связаны с сочинениями указанного автора домонгольской эпохи. Нам известно как минимум о трех сочинениях Афзал ад-дина Керманӣ – *عقد العلي للموقف الاعلى* 'Иқд ал-'улâ ли-л-маўқиф ал-а'ла', *بدائع الازمان في وقائع كرمان* *Бадâ'u' ал-азмân фӣ вақâ'u' Кирмân* и *المضاف الى بدائع الازمان* *ал-Мудâф илâ Бадâ'u' ал-азмân*, однако, по мнению исследователей, его перу принадлежал еще почти десяток сочинений самой разной жанровой принадлежности. Что касается трех указанных, то собственно историческими текстами следует признать *Бадâ'u' ал-азмân* и *ал-Мудâф илâ Бадâ'u' ал-азмân*, однако большое количество исторических сведений содержится и в *'Иқд ал-'улâ*, несмотря на то, что оно написано как дидактическое сочинение для правителя Кермана из племенного союза *гуззов* (огузов) Малика Дйнâра и датировано 584/1188 г.

В рамках представленного доклада мы не только обратим внимание на содержание указанных выше произведений Афзал ад-дйна Кермāнī, но и отметим их влияние на более поздние памятники персидской историографии. В частности, отметим, что текст *Бадā' u' ал-азмāн* дошел до нас благодаря труду Муḫаммада ибн Ибрāхīма, который включил большое количество сведений и фактически переписал целый ряд фрагментов из указанного сочинения Афзал ад-дйна Кермāнī в состав *تاریخ سلجوقیان کرمان* *Tārīḫ-e Салджуқи-йāн-е Кермāн*. Это особенно заметно при анализе описания вторжения *гуззов* в Кермāн в 1180-ые г., которое приводит Муḫаммад ибн Ибрāхīм. Впрочем, и *Иқд ал-ула* оказал свое влияние на поздних персидских авторов: в частности, он был одним из источников, которые упоминает Нāсир ад-дйн Муншī Кермāнī в своем крайне любопытном сочинении *سمت العلی للحضرة العلیا* *Симт ал-ула ли-л-Ḥадрат ал-улайā*. Определенное значение имеет литературное наследие Афзал ад-дйна Кермāнī и для изучения анонимного сочинения *تاریخ شاهی قراختایان کرمان* *Tārīḫ-e шāхī-йе Қарā-хитā'ийāн-е Кермāн*, которое до сих пор слабо востребовано исследователями. Таким образом, влияние сочинений Афзал ад-дйна Кермāнī на развитие локальной историографии Кермāна было весьма значительным и заслуживает пристального внимания специалистов.

Dmitry M. Timokhin
(IOS RAS)

**The writings of Afzal al-Dīn Kermānī and their influence
on the formation of Kermān's local historiography**

Keywords: Kermān; local historiography; Afzal al-Dīn Kermānī;
Nāṣir al-Dīn Munshī Kermānī

The biography and literary legacy of Afzal al-Dīn Kermānī, the outstanding Persian historian and writer of the second half of the 12th – early 13th centuries, have not yet been subjected to a detailed study, despite his significant influence on the further development of local historiography of Kermān. It is enough to recall the later texts of Nāṣir al-Dīn Munshī Kermānī and Muḥammad ibn Ibrāhīm, which are more or less related to the writings of this author of the pre-Mongol era. We are aware of at least three works by Afzal al-Dīn Kermānī: عقد العلي للموقف الاعلى *‘Iqd al-‘ulâ li’l-mawqif al-a‘lâ*, ڪرمان بدائع الازمان في وقائع كرمān *Badâ’i‘ al-azmān fī waqā’i‘ Kirmān* and المضاف الى بدائع الازمان *al-Muḍāf ilâ Badâ’i‘ al-azmān*. However, according to researchers, he had written almost a dozen more works of various genres. As for the three cited, *Badâ’i‘ al-azmān* and *al-Muḍāf ilâ Badâ’i‘ al-azmān* should be recognized as actual historical texts; however, a large amount of historical information is also contained in *‘Iqd al-‘ulâ*, although it was composed as a didactic work for the ruler of Kermān from the Ghuzz tribal union, Malik Dīnār, and dated 584/1188.

Within the framework of the presented report, we shall not only pay attention to the content of the above-mentioned works of Afzal al-Dīn Kermānī, but also note their influence on later monuments of Persian historiography. In particular, it is worth noting that the text of *Badâ’i‘ al-azmān* has reached our days thanks to the work of Muhammad ibn Ibrahim who included a large amount of information, having actually copied a number of fragments from the cited work of Afzal al-Dīn Kermānī into the composition of تاريخ سلجوقيان ڪرمان *Tārīḥ-e Saljūqiyān-e Kermān*. This is especially noticeable when analyzing the description of the Ghuzz invasion of Kermān in the 1180s given by Muhammad ibn Ibrahim. However, *‘Iqd al-‘ulâ* had its influence on later Persian authors: in particular, it was one of the sources that Nāṣir al-Dīn Munshī Kermānī mentioned in his extremely curious work سمط العلي للحضرة العليا *Simṭ al-‘ulâ li’l-Ḥaḍrat al-‘ulyā*. The literary

heritage of Afzal al-Dīn Kermānī is also of some importance for the study of the anonymous work *تاریخ شاهی قراختایان کرمان* *Tārīx-e shāhī-ye Qarāxitā'iyān-e Kermān*, which is still poorly demanded by researchers. Thus, given the influence of Afzal al-Dīn Kermānī's writings on the development of local historiography of Kermān having been very significant, it deserves a closer attention of specialists.

С. В. Тхор
(ИБ РАН)

**Особенности судебно-правовой системы
в Малаккском султанате**
(согласно «Малаккскому кодексу»)

Ключевые слова: Малаккский кодекс; *адат*; судебная система Малакки; исламское право

Малайский юридический памятник XV–XVI вв. «Малаккский кодекс» является неотъемлемым элементом правовой культуры народов Нусантары. Малайскому народу принадлежит особая роль в кодификации норм морского и сухопутного права. Малаккский двор стал центром распространения новых исламских правовых норм в регионе. Система права Малаккского султаната, в которой органично переплетаются исламские правовые нормы и местный *адат*, определила дальнейшее развитие права у многих соседних народов. Многие положения «Малаккского кодекса» были практически без изменения включены в более поздние малайские своды законов. Малаккская судебно-правовая система имела много общего с исламской судебной системой и являлась важнейшим институтом поддержания государственной власти и системы управления. В докладе анализируются два типа права, сосуществовавшие в Малаккском султанате — «обычное право» (*undang-undang adat*) и «законы правителя» (*undang-undang raja*). Судья (*kadi, hakim*) являлся ключевой фигурой в судебно-правовой системе, и в «Малаккском кодексе» детально прописаны требования к лицам, занимающим эту должность, их полномочия и непосредственные механизмы принятия судебного решения.

Svetlana V. Tkhor

(IOS RAS)

**Features of the judiciary legal system
in the Malacca Sultanate**

(according to “The Code of Malacca”)

Keywords: The Malacca Code; *adat*; Malacca judicial system; Islamic law

The Malay judiciary document of the XV–VXI centuries, “The Malacca Code” is an integral part of the legal culture of the peoples of Nusantara. The Malay people played a specific role in the codification of the norms of maritime and land law. The Malacca court became the center for the dissemination of new Islamic legal norms in the region. The legal system of the Malacca Sultanate, in which Islamic legal norms and local *adat* were organically intertwined, determined the further development of law among neighboring peoples. Many provisions of “The Malacca Code” were included practically unchanged in the later Malay statute books. The Malacca judiciary legal system had much in common with the Islamic judicial system and was the most important institution for maintaining state power and governance system. Two types of law that coexisted in the Malacca Sultanate, “customary laws” (*undang-undang adat*) and “ruler’s laws” (*undang-undang raja*) are subject to analyze in the paper. The judge (*kadi, hakim*) was a key figure in the judiciary legal system, and “The Malacca Code” sets out in detail the requirements for persons holding this position, their competency and the direct mechanisms for making judicial decisions.

Е. В. Тюлина
(ИВ РАН)

Тексты по *вастувидье* о «реставрации» древних изображений

Ключевые слова: древняя и средневековая Индия; *пураны*; *вастувидья*; восстановление статуй

В трактатах по *вастувидье* в составе *пуран*, кроме рекомендаций по строительству и созданию статуй и других изображений богов, есть интересные тексты, дающие возможность понять, как в древности и средневековье относились к изображениям, которые издревле были почитаемыми, но с течением времени обветшали, получили разрушения, сделались неприглядными. Такие тексты показывают, в чем же в те времена видели святость и значение таких испорченных изображений. Согласно *вастувидье*, они обязательно должны были быть восстановлены, но представление о таком восстановлении не предполагало их реставрации в современном понимании этого слова. Это было связано с полным отсутствием отношения к ним как к объектам, имеющим художественную и эстетическую ценность. Основное внимание обращалось на их форму и материал: требовалось изготовление новых статуй и лингамов, но обязательно в прежних размерах и из такого же материала. Однако можно было использовать и более дорогой материал. Святость этих объектов определялась также и тем, какие обряды совершались при их освящении. Тексты содержат также рекомендации, как поступить с прежними изображениями (деревянное поломать и сжечь, сделанное из камня бросить в воду и т. д.). Тексты содержат также описание

обрядов прощания с уничтожаемыми статуями. Подобное обращение со священными изображениями имеет параллели с представлениями других стран, в том числе с отношением к испорченным и потемневшим иконам и церковным книгам на Руси. Такие объекты пускали плыть по реке, хоронили, в позднее время сжигали с особыми молитвами.

Elena V. Tyulina
(IOS RAS)

***Vastuvidya* texts on 'restoring' ancient images**

Keywords: ancient and medieval India, *Puranas*, *Vastuvidya*, restoration of statues

In the treatises on *Vastuvidya* in the *Puranas*, in addition to recommendations for the construction and creation of statues and other images of the gods, there are interesting texts that make it possible to understand how in antiquity and the Middle Ages they treated images that had been revered since ancient times but had become dilapidated, damaged and unsightly. Such texts show what was considered sacred and significant in a corrupted images at that time. According to *Vastuvidya*, such images had to be recreated, but the idea of this restoration did not imply restoration in the modern sense of the word. This was due to the complete absence of treating them as objects of artistic and aesthetic value. The main attention was paid to their form and material: the making of new statues and lingams was required, but necessarily in the same size and from the same material. However, more expensive material could be used. The sanctity of these objects was also determined by what rites were performed during their consecration. The texts also contain recommendations on what to do with the former images (to break and burn

the wooden one, to throw the stone one into water, etc.). The texts also contain a description of the rituals with which the statues being destroyed were escorted to their last journey. The similar treatment of sacred images has parallels with the ideas of other countries, including the treatment of spoilt and darkened icons and church books in Russia. Such objects were let float down the river, buried, and in later times burnt with special prayers.

А. Г. Хайрутдинов

(Институт истории им. Ш. Марджани, АН РТ)

**Избранные бейты
из *Лузум ма ла йалзам* Абу-л-‘Ала ал-Ма‘арри
в комментированном переводе Мусы Бигиева**

Ключевые слова: Абу-л-‘Ала’ ал-Ма‘арри; *Лузум ма ла йалзам*; Муса Бигиев; средневековая арабская поэзия; арабо-мусульманская философия

На рубеже XIX–XX вв., в период ренессанса татарского народа, значительную актуальность приобрели вопросы культурного обновления и развития, составной частью которых являлась потребность в рационализации религиозных представлений и избавлении от ложных и ошибочных догм, препятствовавших духовному и интеллектуальному развитию людей. Эти вопросы нашли самое яркое отражение в трудах выдающегося мусульманского богослова и мыслителя Мусы Джаруллаха Бигиева (1875–1949). Каждую свою книгу он посвящал решению актуальных проблем, с которыми столкнулся татарский народ. Среди разноплановых трудов, опубликованных Бигиевым, особое место занимают переводы двух образцов средневековой мусульманской поэзии: с арабского языка он перевел сочинение великого стихотворца и мыслителя Абу-л-‘Ала ал-Ма‘арри *Лузум ма ла йалзам* «Необходимость того, что необязательно» (1907) и с языка фарси — *Диван* «Сборник стихотворений» Хафиза Ширази (1912).

В нашем докладе рассматривается перевод собрания стихотворений ал-Ма‘арри *Лузум ма ла йалзам* (لزوم ما لا يلزم), из которого Бигиевым были выборочно переведены около трехсот бейтов. Издание состоит из двух частей. В первой части издания Бигиев излагает биографию ал-Ма‘арри и его

взгляды, во второй части представлены переводы бейтов из его сборника. Объем книги среднего формата составляет 266 страниц, 56 из которых отведены биографии поэта. Язык, на который Бигиев перевел первоисточник, нельзя назвать старо-татарским, правильнее назвать его татаро-османским: это позволило Бигиеву адресовать свои труды не только татарам, но гораздо более многочисленной читательской аудитории Османского государства и шире — всего тюрко-мусульманского мира.

Переходя к содержанию второй части, прежде всего следует обратить внимание на название, которое Бигиев дал своему переводу, а именно *ал-Лузумийят* (اللزوميات). По нашему мнению, оригинальное название было изменено преднамеренно, поскольку оно позволяет, с одной стороны, сохранить отсылку к оригиналу, широко известному в среде образованных (слово *ал-Лузумийят*, благодаря определенности с артиклем *ал-*, отсылает к оригинальному произведению, которое бытует в арабской среде и под этим названием), а с другой, несет в себе самостоятельный посыл, подразумевающий, что идеи ал-Ма‘арри и переводческие комментарии к ним Бигиева следует воспринимать как свод необходимых для его соплеменников идей и императивов.

Aydar G. Khairutdinov

(The Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

**Selected bayts from *Luzum ma la yalzam*
by Abu'l-‘Ala’ al-Ma‘arri in the commented translation
by Musa Bigiyev**

Keywords: Abu-l-‘Ala’ al-Ma‘arri; *Luzum ma la yalzam*; medieval Arabic poetry; Arab-Muslim philosophy; Musa Bigiyev

During the period of the Tatar people's renaissance at the turn of the 19th and 20th centuries, the issues of cultural renewal and development became extremely relevant, an integral part of which was the need to rationalize religious ideas and get rid of false and erroneous dogmas that hinder the spiritual and intellectual development of people. These issues were most vividly reflected in the works of the outstanding Muslim theologian and thinker Musa Jarullah Bigiyev (1875–1949). Each of his books was dedicated to solving the current problems that the Tatar people faced. Among the diverse works that Bigiev published, a special place is occupied with his translations of two examples of medieval Muslim poetry: he translated from Arabic *Luzum ma la yalzam* “The Necessity of What is not Necessary” by Abu'l-‘Ala’ al-Ma‘arri (issued in 1907), and from Farsi – *Diwan* “Collection of Poems” by Hafiz Shirazi (1912).

Our presentation deals with the translation of al-Maarri's collection of bayts *Luzum ma la yalzam* (لزوم ما لا يلزم), from which Bigiyev selectively translated about 300 bayts. The first part of Bigiyev's publication is devoted to the biography and views of al-Ma‘arri, while the second part presents translations of bayts from his collection. The volume of the medium-sized book is 266 pages, 56 of which are devoted to the poet's biography. The language into which Bigiyev translated the original source was not Old Tatar as such, just rather it could be called Tatar-Ottoman, which allowed Bigiyev to address his works not only to the Tatars, but to a much larger readership in the Ottoman Empire, and in general, to the entire Turkic-Muslim world.

Moving on to the content of the second part, one should pay attention to the title that Bigiyev provided for his translation, viz. *al-Luzumiyyat* (اللزومييات). In our opinion, the title was changed deliberately, since, on the one hand, it allows to preserve the reference to the original, widely known among the educated Muslim masses (the word *al-Luzumiyyat*, thanks to the definiteness of the

article *al-*, refers to the original work, which also exists in the Arab-Muslim environment under this name), and on the other hand, it carries an independent message, implying that the ideas of al-Ma'arri and Bigiyev's commentaries to the translation should be perceived as a set of ideas and imperatives necessary for his fellow tribesmen.

Н. Ю. Чалисова
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

На пути из мечети в кабак: о лирическом персонаже газелей Хафиза

Ключевые слова: персидская поэзия; газель; Хафиз; лирический персонаж

Изучение наследия Хафиза (ум. ок. 1389) насчитывает уже не один век, а вопрос «О чем говорит Хафиз?» до сих пор остается в центре научных дискуссий. Среди поколений исследователей есть приверженцы истолкования его поэтического послания в духе суфийского гнозиса или, наоборот, философии гедонизма, есть сторонники амбивалентной любовно-мистической интерпретации всех газелей *Дивана*, их дихотомического деления на мистический и светский кластеры или же троичной классификации (суфийские, любовные, риндские). В последние десятилетия среди ведущих западных хафизоведов возобладала «многозначная» трактовка, разделяемая и автором данных тезисов, согласно которой Хафиз рассматривается как поэт, доведший до совершенства технику полисемичной газели, одновременно любовной, мистической, панегирической и социально-политической; эта герменевтическая перспектива определяет и направление исследований любого частного аспекта поэтики *Дивана*.

В фокусе доклада — лирический персонаж как *alter ego* Хафиза. Он конструируется через отношения с его сторонниками и оппонентами и наделен особым социальным и религиозным статусом в поэтическом социуме, где благочестивым мусульманам (*мухтасиб*, *шихна*, проповедник, аскет, суфий, обитающий в *ханаке*) противопоставлены гуляки-

ринды, исповедующие «религию любви». В исследованиях хафизовской поэтики многозначности уже обсуждалась протеическая природа лирического персонажа, который порой играет масками страстного влюбленного, остроумного *ринда*, мудрого наставника и рефлексирующего поэта в рамках одной газели.

В докладе речь пойдет еще об одном аспекте поэтики персонажа, напрямую связанном с полисемичностью хафизовской газели. В большой группе контекстов, особенно — в концовках газелей, включающих *тахаллус* «Хафиз», лирический персонаж представлен в состоянии «перехода» из мечети или суфийской обители в питейный дом, на духовном перепутье между мирами «благочестивых» и «вольнлюбивых». Неопределенный социальный статус персонажа придает мотивам «духовного транзита», сопряженным в таких контекстах, дополнительные и порой неожиданные коннотации (что будет показано на репрезентативных примерах).

Natalia Yu. Chalisova

(IOCS NRU HSE)

**“On the Way from the Mosque to the Wine Tavern”:
A Lyrical Persona in the Ghazals of Hafiz**

Keywords: Persian poetry, *ghazal*, Hafiz, lyrical persona

The study of the legacy of Hafiz (d. ca. 1389) counts centuries, and the question “What is Hafiz talking about?” still remains at the center of scholarly debate. Among generations of researchers, there are adherents of the interpretation of his poetic message in the spirit of Sufi gnosis or, conversely, the philosophy of hedonism; there are supporters of the ambivalent love-mystical interpretation of all the *ghazals*, or their dichotomous division into

mystical and secular clusters, or even a threefold classification (Sufi, Love, and Rind poems). In recent decades, among leading Western Hafiz scholars, the “polysemic approach” has prevailed, shared by the author of these theses. According to it, Hafiz brought to perfection the technique of a polysemic *ghazal*, simultaneously love, mystical, panegyric and socio-political; this hermeneutic perspective determines the way any particular aspect of the *Divan*’s poetics is being researched.

The paper is focused on the poetic persona as the *alter ego* of Hafiz. This persona is constructed through relationships with his supporters and opponents and is endowed with a special social and religious status in the poetic universe, where pious Muslims (*mukhtasib*, *shihna*, preacher, ascetic, Sufi lodger) are contrasted with the libertine *rinds*, professing the “religion of love”. In studies of Hafiz’s poetics of polysemy, the protean nature of the lyrical character has already been discussed; he is capable of subtle transformations from a passionate lover and a witty *rind* into a wise mentor or reflective poet, combining all in one *ghazal*.

The paper will discuss one more aspect of the character’s poetics, directly related to the polysemy of the Hafizian *ghazal*. In a representative group of contexts (especially in *ghazal* endings with the Hafiz’s *takhallus*), the lyrical persona is presented in a state of “transition” from a mosque or a Sufi lodge to a wine tavern, at the spiritual crossroads between the worlds of the “pious” and the “libertines”. The character’s uncertain social status gives the “spiritual transit” motifs associated in such contexts additional and sometimes unexpected connotations (which will be shown in representative examples).

О. М. Ястребова

(РНБ; Институт истории СПбГУ),

А. С. Матвеев

(Восточный факультет СПбГУ),

А. В. Моисеева

(Государственный Эрмитаж, Институт истории СПбГУ),

Т. А. Слесарев

(Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ),

Е. В. Трепналова

(Государственный Эрмитаж, Институт истории СПбГУ),

**Электронная публикация и изучение коллекции
рукописей Мухаммада Айяда ат-Тантави:
продолжение проекта¹**

Ключевые слова: информационные технологии; базы данных; электронные библиотеки; рукописные коллекции; кодология; арабские рукописи; Мухаммад Айяд ат-Тантави

В прошлом году участники проекта электронной публикации и изучения коллекции рукописей Мухаммада Айяда ат-Тантави (1810–1861) представили на конференции «Текстология и источниковедение Востока» результаты первой стадии реализации проекта.

Задачи, которые поставил перед собой коллектив проекта, можно разделить на три направления. Во-первых,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-28-01748 «Онлайн-база данных рукописей как исследовательский инструмент: Интернет-публикация и изучение собрания арабских рукописей проф. Санкт-Петербургского Университета Шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861) из фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ».

методологические задачи — разработка принципов описания и электронной публикации арабских рукописей; разработка структуры электронного формуляра описания рукописей с формализацией атрибутов поиска и сортировки. Во-вторых, задачи технические — разработка программного обеспечения для описания и электронной онлайн-публикации арабских рукописных коллекций (базы данных с использованием MySQL и PHP); разработка электронной оболочки онлайн-каталога коллекции с электронными копиями рукописей; выгрузка информации из БД в онлайн-каталог; разработка средств коммуникации разрабатываемой БД с существующими электронными каталогами (как в России, так и за рубежом). Также требовалось выработать систему публикации и разметки электронных копий рукописей, а также поиска и сортировки информации в публикуемой коллекции. В-третьих, задачи, связанные с каталогизацией рукописной коллекции — сверка уже имеющихся кодикологических описаний, вычитка колофонов, добавление инципитов/эксплицитов, уточнение библиографических описаний (проверка правильности идентификации текстов в рукописях); создание авторитетных файлов персоналий и заглавий сочинений, биографических справок по авторам, тематического и географического указателей.

В первый год реализации проекта была проделана методологическая работа: создана архитектура базы, разработаны формуляры ввода описания рукописей, формуляры ввода авторитетных записей (справочников) авторов и названий сочинений, создан рабочий интерфейс для ввода и редактирования информации онлайн в условиях удаленного доступа. Начата работа по созданию авторитетных файлов авторов и названий сочинений, производилось редактирование кодикологических описаний и уточнение содержания рукописей.

В течение второго года реализации проекта была продолжена работа над (1) созданием онлайн-базы данных и (2) изучением рукописей коллекции Тантави.

1. Техническая часть (разработка онлайн базы данных)

Интерфейс ввода описаний, представленный нами на прошлой конференции, был доработан, в том числе более тщательно продумана система отображения дат и датировок. Создан формат вывода описаний из базы данных в текстовом формате для онлайн каталога на русском (полное описание) и английском (сокращенное описание) языках, сопровождаемый полной PDF-копией рукописи, доступной для просмотра. Для этого был разработан стандарт карточки описания, откорректированы стандартные формулировки ввода текстовой информации в базу. Таким образом, создана матрица онлайн каталога коллекции (подробный каталог на русском языке и краткий каталог на английском).

Продуман интерфейс пользователя онлайн каталога с возможностью поиска по ряду критериев: шифрам, авторам, названиям, персоналиям (переписчики, владельцы и пр.), времени создания рукописи или сочинения и др. В настоящее время возможен вывод указателей (стандартных и для печатных каталогов рукописей) — авторов, иных персоналий, заглавий, датированных рукописей, мест переписки, тематический. Кроме того, автоматически создаются подборки рукописей, имеющих иллюминацию, миниатюры, владельческие печати, рукописей, созданных в определенное столетие, а также рукописей, содержащих тексты, которые были созданы в определенном веке. Цель создания таких подборок — возможность использования базы как исследовательского инструмента в палеографии, кодикологии и текстологии. Поставлена задача создания разных уровней доступа к базе.

2. Изучение и описание коллекции Тантави

Завершена работа по вводу авторитетных записей авторов с краткими биографическими и библиографическими справками. Продолжается работа по созданию авторитетных записей сочинений, которые дополняются актуальными сведениями об изданиях текстов. Кодикологические описания дорабатываются, проверяется и уточняется содержание рукописей.

Olga M. Yastrebova

(National Library of Russia; Institute of History, SPbSU),

Alexander S. Matveyev

(FAAS SPbSU),

Anna V. Moiseyeva

(State Hermitage Museum; Institute of History, SPbSU),

Timur A. Slesarev

(Scientific Library, SPbSU),

Ekaterina V. Trepnalova

(State Hermitage Museum; Institute of History, SPbSU),

On Electronic Publication of the Arabic Manuscripts Collection of Sheikh Muhammad Ayyad al-Tantawi

Keywords: information technologies; databases; electronic libraries; manuscript collections; codicology; Arabic manuscripts; Muhammad Ayyad al-Tantawi

A year ago, the participants of the project for the electronic publication and study of the manuscript collection of Muhammad Ayyad al-Tantawi (1810–1861) presented the results of the first stage of the project at the conference “Textology and Source Studies of the East”.

The tasks set by the project team can be divided into three areas. First, the methodological tasks, including development of principles for description and electronic publication of Arabic manuscripts, as well as the development of the structure of the electronic manuscript description form, with the formalization of search and sorting attributes. Second, technical tasks: development of software for online publication of descriptions of Arabic manuscripts (database using MySQL and PHP); development of the online catalog of the manuscript collection, with attached electronic copies of the manuscripts; uploading of information from the database to the developed online catalog; development of means of communication between the developed database and existing electronic catalogues both in Russia and beyond. It involved developing a system for publishing and marking up electronic copies of manuscripts, as well as a tool for searching and sorting information in the published collection. Third, there were academic tasks related to cataloguing the manuscript collection: verification of existing codicological descriptions, proofreading colophons, adding incipits and explicits, rectifying bibliographic descriptions (verifying identification of texts in manuscripts), creating authoritative files of personalities and titles of works; input of biographical information about authors; creating thematic and geographical indexes.

During the first year of the project, the methodological work has been carried out, including creation of the database architecture, development of forms for entering manuscript descriptions and authority records (directories) of authors and titles of works, development of the online interface for entering and editing information about manuscripts. The team started work on creating authoritative files of authors and titles of works, editing codicological descriptions and verifying the content of manuscripts. During the second year of the project, the team (1) finalized developing of the online database, and (2) continued studying the Tantawi collection manuscripts.

1. Technical part (development of the online database):

The interface for input of manuscript descriptions, which we presented in 2023, has been improved, including a refined system for displaying dates. A format for output of descriptions from the database to the online catalogue has been created, both in Russian text format (full description) and in English (abridged description), accompanied with a PDF copy of manuscripts. Inter alia, it involved developing a standardized form of catalogue record. Thus, a matrix of the online catalog has been created (a detailed catalog in Russian and a short catalog in English).

The user interface for the online catalogue has been designed. It includes search options by a number of criteria: access numbers, authors, titles, personalities (copyists, owners, etc.), date of copying the manuscript or creation of work, etc. It is also possible to display indexes of authors and other personalities, titles, dated manuscripts, places of copying, subject, which is a standard feature of printed catalogues of manuscripts. In addition, the system can automatically create lists of manuscripts containing illuminations, miniatures, or owner's seals, as well as lists of manuscripts copied in a certain century or containing texts created in a certain century. All this makes the database a research tool for paleography, codicology and textology.

2. Study and description of the Tantawi collection:

The task of entering authoritative records of authors with brief biographical and bibliographical references has been completed. The authoritative records of works have been mainly created, being supplemented with information on the existing editions of texts. Codicological descriptions are being finalized, and the contents of manuscripts are being checked and rectifying.

* * *

Наши авторы и редакторы

Аверьянов Юрий Анатольевич — канд. ист. наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: avanta_yuriy@mail.ru

Банкова Людмила Львовна — канд. филол. наук, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

E-mail: bankovall@mgpu.ru

Белкина Екатерина Максимовна — младший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

E-mail: belkinakat@gmail.com

Бельский Владимир Викторович — кандидат богословия, преподаватель кафедры церковной истории Московской Духовной Академии.

E-mail: b_volodimir@mail.ru

Будман Юлия Дмитриевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института теологии СПбГУ; доцент кафедры филологии и лингвокультурологии Российского Государственного университета им. А. Н. Косыгина.

E-mail: budman-yud@rguk.ru

Гордиенко Елена Витальевна — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ.

E-mail: gordylena@gmail.com

Горяева Любовь Витальевна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: goriaeva@mail.ru ; l.goriaeva@yandex.ru

Илюшина Милана Юрьевна — доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований ИВ РАН.

E-mail: aspirant_vf@mail.ru

Казакевич Ольга Анатольевна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН; доцент Института лингвистики РГГУ.

E-mail: kazakevich.olga@gmail.com

Кирилenco Ксения Андреевна — студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: kakirilenko@edu.hse.ru

Коровина Евгения Владимировна — младший научный сотрудник Института языкознания РАН.

E-mail: jekorovina@gmail.com

Лажути Лейли Гасемовна — старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, куратор Иранского кабинета имени проф. М.-Н. О. Османова.

E-mail: lahuty@gmail.com

Лажути София Валерьевна — младший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: s.lahuti@ivran.ru

Лидова Наталья Ростиславовна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

E-mail: nlidova@gmail.com

Матвеев Александр Сергеевич — ст. преподаватель Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: a.matveew@spbu.ru

Микульский Дмитрий Валентинович — доктор ист. наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, член Учёного совета ИВ РАН.

E-mail: dmitrimikulski@mail.ru

Моисеева Анна Владимировна — научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа; преподаватель НИУ ВШЭ.

Настич Владимир Нилович — канд. ист. наук, зав. Отделом памятников письменности народов Востока ИВ РАН, член Учёного совета ИВ РАН.

E-mail: vnn@bk.ru ; vladimir@nastich.net

Османова Милена Нуриевна — канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала).

E-mail: osmanova-milena@rambler.ru

Пригарина Наталья Ильинична — доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: prigarina@gmail.ru

Притула Антон Дмитриевич — доктор филол. наук, зав. сектором Византии и Ближнего Востока Отдела Востока Государственного Эрмитажа; главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

E-mail: pritulanna@googlemail.com

Рейснер Марина Львовна — доктор филол. наук, профессор кафедры иранской филологии ИСАА МГУ (Москва).

E-mail: marinareys@iaas.msu.ru

Сайтбатгалов Искандер Расулевич — канд. филол. наук, доцент Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

E-mail: saitbattaloff@yahoo.com

Сериков Николай Игоревич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН.

E-mail: nikolajserikoff@gmail.com

Слесарев Тимур Анисович — главный библиотекарь отдела «Востоковедение» Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ.

Тимохин Дмитрий Михайлович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН.

E-mail: horezm83@mail.ru

Трепналова Екатерина Валерьевна — инженер-исследователь Института истории СПбГУ; Институт восточных рукописей РАН.

Тхор Светлана Вячеславовна — канд. ист. наук, младший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: svetlanavadi@mail.ru

Тюлина Елена Валерьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: tyulina57@mail.ru

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан.

E-mail: khaidar67@mail.ru

Чалисова Наталья Юрьевна — канд. филол. наук, зам. директора Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

E-mail: chalisova@hotmail.com

Ястребова Ольга Михайловна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СПбГУ; старший научный сотрудник Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки.

E-mail: yastolg@yandex.ru

* * *

XIV ежегодная проблемно-методологическая конференция
«Текстология и источниковедение Востока». 14–16 октября 2024 г.
Тезисы и конспекты докладов

Электронная PDF-версия для размещения на сайте ИВ РАН